

Виктор Алеветдинов

Когда смерть распределяют по процентам

Свободу вычисляют,
любовь архивируют,
а смерть распределяют
по процентам

Социальная антиутопия

18+

Виктор Алеветдинов

**Когда смерть распределяют
по процентам**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Когда смерть распределяют по процентам / В. Алеветдинов —
«Автор», 2026

В Витроклесте-17 смерть давно перестала быть случайностью. Каждый год город вычисляет допустимую долю потерь — тех, кого можно удалить ради равновесия остальных. Яра Левит работает в архиве Благой памяти: она не убивает людей, а стирает боль так, чтобы семьи перестали помнить по-настоящему остро. Но однажды в посмертной карточке она находит след собственной матери — женщины, которая много лет назад якобы добровольно вышла из городского контура. Чем глубже Яра погружается в закрытые слои архива, тем яснее становится: город не просто распределяет смерть. Он извлекает память, переписывает вину, назначает удобных жертв и превращает человеческие судьбы в проценты. Свободу здесь вычисляют. Любовь архивируют. А смерть называют вкладом в общее равновесие. Чтобы вернуть матери имя, Яре придётся узнать главное: кто решает, сколько жизней можно списать — и что будет, если в списке окажешься ты.

Содержание

Часть I. Город без случайностей	5
Глава 1. Удалённая мать	5
Глава 2. Белая метка	10
Глава 3. Слепая переправа	15
Глава 4. Инженер с горящим сердцем	21
Глава 5. Крупье смерти	27
Глава 6. Ликвидаторша	33
Глава 7. Фраза из мёртвого файла	38
Глава 8. Два процента	44
Часть II. Архив мёртвых имён	52
Глава 9. Архив старых обвинений	52
Глава 10. Письмо Веры Крамор	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Виктор Алеветдинов

Когда смерть распределяют по процентам

Часть I. Город без случайностей

Глава 1. Удалённая мать

Утро после Ночи счёта всегда начиналось с тишины, чистой даже для Архива Благой Памяти. Витрокласт-17 проснулся за стеклокерамическим куполом: капсулы скользили между башнями, фасады меняли ночной синий на утренний перламутр. Город заботливо стирал следы тревоги, как стирают отпечаток пальца со стекла.

Яра Левит вошла через северный шлюз в семь сорок две. На стекле появилась строка: «Эмоциональная устойчивость: допустимая».

Допустимая — значит, достаточно ровная, чтобы работать с чужими исчезновениями. Недостаточно ровная — чтобы получить выходной. В архиве любили точные границы.

Зал посмертной коррекции был высоким, как вокзал, только без шума. Под потолком плавали световые ленты. Они не освещали, а успокаивали.

На рабочей поверхности Яры ждал пакет: двадцать семь имён, подготовленных к удалению из активной памяти города после плановой коррекции демографического равновесия. Только архивные единицы.

Яра закрепила браслет в док-пазе и открыла первый файл.

«Калдин Роман Тевьевич. Возраст: пятьдесят восемь. Индекс социальной связности: 3,2. Итоговый статус: включён в программу высшей социальной компенсации».

Высшая социальная компенсация. Формулировка была такой гладкой, что на ней не задерживалась мысль. Яра когда-то восхищалась точностью таких слов: они не ввалили прямо, но делали правду непригодной для крика.

Она открыла семейную цепочку Калдина и отдала команды: ослабить контекстный узел, свернуть бытовые привязки, оставить официальный портрет, перевести последние сообщения в семейный закрытый контур. Система исполнила всё без паузы. На экране человек уменьшился: муж, отец, сосед, покупатель дешёвого кофе в южном переходе. Сначала стал записью. Затем — аккуратной строкой в статистике.

Яра не убивала людей. Архивисты не выносили приговор. Они делали так, чтобы приговор не разлагался в памяти города.

Второй файл открылся без сопротивления. Третий — тоже. На пятом Яра поймала себя на том, что двигается быстрее обычного. Утро после Ночи счёта требовало скорости: город не любил, когда исчезающие оставались видимыми.

На девятом имени у неё дрогнул палец.

Не из-за имени. Имя было чужим: Мельт Рина Оскаровна, двадцать девять лет, оператор медицинской логистики. Система вычистила её социальный контекст, оставив сухой итог. Но внизу семейной цепочки, там, где обычно висели пустые технические маркеры, мигнула серая строка.

«Сопряжённая архивная тень: Левит И. М.»

Яра остановилась. За прозрачной стеной прошёл старший редактор Март Лоан с чашкой питательного раствора. У соседнего терминала кто-то негромко кашлянул. Обычные звуки, обычное утро, обычные двадцать семь биографий после обычной Ночи счёта.

Она увеличила строку. Строка исчезла. Не свернулась, не была закрыта по уровню допуска, не выдала отказ. Погасла, словно её никогда не было.

Левит И. М.

Ильмира Марковна Левит. Мать. В семейном архиве её статус значился как «добровольный выход из городского контура», хотя Яра с детства знала: добровольно мать не ушла бы, не оставив даже голосовой метки.

Она запросила журнал изменений.

«Недостаточно прав».

Яра открыла служебный протокол восстановительной диагностики. Её учили этому на втором году службы: если файл ведёт себя странно, не спорь с ним, дай ему возможность объяснить свою поломку.

— Диагностика связей третьего уровня. Основание: некорректное отображение тени в деле Мельт Рины Оскаровны.

Терминал потемнел и показал ровный круг ожидания. Один оборот, второй, третий. Задержка выбивалась из нормы.

Из соседней кабины выглянула Ная Стен, младший архивист с усталыми глазами.

— У тебя зависло?

— Семейный узел. После ночных пакетов часто бывает.

— У меня сегодня три таких. Отправь в технический.

— Отправлю.

Яра не отправила.

Круг ожидания исчез. На экране открылось не окно диагностики, а узкая чёрная полоса. В архивном интерфейсе не было чёрного цвета: он плохо влиял на эмоциональную устойчивость операторов.

Полоса дрогнула. В ней проступили символы, похожие на испорченную стенограмму.

«И. М. ЛЕВИТ / СЛОЙ: ЗАКРЫТЫЙ / СТАТУС: НЕ УДАЛЯТЬ / НОСИТЕЛЬ:»

Дальше строка оборвалась. Терминал щёлкнул так резко, что Яра едва не отдернула руку. Белое поле мигнуло, и вместо полосы появилось штатное сообщение:

«Файл повреждён. Запущено самовосстановление».

Нет, подумала Яра. Не самовосстановление. Самоубийство.

Она видела это в старых делах: файл, обнаружив просмотр, сжигал не только содержимое, но и путь к нему. Обычно это выглядело грубо. Здесь всё происходило тихо, с архивной вежливостью.

Яра сорвала с запястья браслет, прижала его к боковому порту и открыла кэш последнего отображения. На это у неё было меньше трёх секунд.

— Яра?

— Сейчас.

Голос вышел неестественно спокойным. Она успела сохранить не строку, не файл, не имя. Этого не хватало для доказательства. Этого хватало для подозрения.

Терминал стал белым.

«Диагностика завершена. Нарушений не обнаружено».

Яра посмотрела на эту фразу и впервые за много лет почувствовала не страх, а злость. Нарушений не обнаружено.

— Правда зависло? — Ная подошла ближе. — Ты побледнела.

— Недосып.

— После Ночи счёта весь город недосыпает. Кроме тех, у кого окна выходят на Верх.

— Ная.

— Молчу. Полезная, лояльная, благодарная за стабильность.

Она подняла руки, будто сдавалась невидимой камере, и вернулась в кабину. Яра заставила себя закончить пакет. Команды звучали прежними словами, только смысл сместился.

Ослабить связь. Свернуть привязку. Оставить нейтральное изображение. Удалить реакцию свидетелей.

Она дошла до двадцать седьмого имени за два часа сорок минут. Яра приняла паузу: отказ мог ухудшить её поведенческий профиль.

В столовой архива пахло тёплым белком, озоном и синтетическим укропом. Профессиональная гигиена.

За дальним столом Март Лоан обсуждал ночную коррекцию с двумя редакторами из сектора семейной адаптации.

— В этом году мягче прошло. В Срединных Кольцах почти без сопротивления.

— Люди привыкают, — ответила редакторша. — Когда процедура стабильна, страх становится управляемым.

— Значит, система сработала правильно.

Яра села неподалёку. Ная поставила поднос напротив неё.

— Слышала? Мягче прошло. Обожаю, когда про смерть говорят как про смену тарифного плана.

— Не говори так громко.

— А ты не отвечай так тихо. Тихие ответы звучат виновато.

Яра поднесла чашку к губам, но не выпила.

— Сколько у тебя было?

— Двадцать семь.

— У меня девятнадцать. Один музыкант, две учительницы, инженер водного контура, мальчик из курьерской службы. Хотя в файле было: «мужчина, двадцать один год, трудовая адаптация нестабильна». Видишь, как удобно? Никакого мальчика.

— Не надо.

Ная посмотрела на неё внимательнее.

— Что с тобой?

Яра хотела ответить привычно: устала, не выспалась, ночные пакеты всегда давят. Но сказала другое:

— Я сегодня поймала себя на формулировке: «смерть была обработана корректно». Не файл. Не пакет. Смерть.

— Это работа. Мы все так говорим.

— А если мы обрабатываем не горе? Если мы обрабатываем свидетельства?

Ная молчала дольше, чем позволял безопасный разговор в столовой.

— Ты нашла что-то в пакете?

— Нет.

Ответ прозвучал быстро. Ная опустила взгляд.

— Тогда доешь кашу. И не задавай вопросы в помещениях с мягкими стенами.

— Стены здесь стеклянные.

— Мягкие — не значит непрозрачные.

После паузы Яра вернулась в зал. Она запустила тридцатисекундный цикл. Пусть система увидит послушание. Пусть запишет, как она дышит ровно.

Вдох. Белый круг расширяется. Выдох. Белый круг сужается.

Мать говорила ей когда-то: если город просит тебя дышать, значит, он знает, что ты хочешь закричать. Яра не помнила, слышала ли это в детстве или придумала позже, после исчезновения матери.

Ильмира Левит была инженером архивной совместимости. Не героиней подполья, не преступницей, не фанатичкой внешних степей. В день исчезновения она оставила на столе

чашку, недочитанную книгу и открытую детскую куртку Яры, потому что утром обещала починить застёжку.

«Добровольный выход из городского контура».

Так писал архив.

Семнадцатилетняя Яра тогда поверила не сразу, потом притворилась, что поверила, потом поступила в архив, чтобы однажды получить доступ к правде. А через несколько лет стала так хорошо удалять чужие следы, что перестала искать свой.

До сегодняшнего утра.

Она дождалась окончания смены. Не ушла первой — это выглядело бы как бегство. Не осталась последней — это выглядело бы как намерение. Подписала пакет, передала двадцать семь обработанных биографий в городской контур и получила подтверждение: «Память стабилизирована. Благодарим за вклад в равновесие».

— До завтра, — сказала Ная у шлюза.

— До завтра.

— Яра.

Она остановилась.

— Что бы ты ни нашла, не ищи это одна.

— Я ничего не нашла.

— Вот именно. Такие вещи обычно и убивают.

Ная ушла, не дожидаясь ответа. Яра сдала браслет смены, вышла в коридор личных терминалов и свернула не к транспортным лифтам, а в старый сектор индивидуальных кабин. Формально он был открыт для сотрудников, которым требовалась работа с семейным архивом.

Кабина приняла её без вопросов. Дверца закрылась, шум архива исчез. На внутреннем экране возникло меню: «Личный контур Яры Левит. Семейные записи. Рабочие копии. Непросмотренные уведомления: 0».

Яра вставила в боковой порт тонкую пластину служебного кэша. Носитель был старый, смешной, без адаптивной защиты. Архивные фильтры редко воспринимали такие вещи всерьёз.

Семь байтов маршрута раскрылись неохотно. На экране появилась цепочка обрезанных индексов. Большая часть была мусором, но один фрагмент повторялся дважды:

«ABP-Z/13-LIVE».

Яра нахмурилась. ABP — Архив Благой Памяти. Z — закрытый слой или зона. Тринадцать — уровень, которого официально не существовало. Последний маркер система не перевела.

LIVE.

LIVE могло означать режим активного носителя, часть чужого имени или обломок команды.

Живой.

Слово пришло само и стало в горле костью.

Экран дрогнул. Яра не касалась панели, носитель был открыт только для чтения, но на белом поле начала проступать серая линия. Она сложилась в буквы — неровно, с провалами между символами.

«Яра».

Она резко выдернула носитель. Экран погас, потом включился снова: «Ошибка чтения. Рекомендуется передать повреждённый носитель в технический сектор».

Яра сидела неподвижно. Система могла имитировать имя. Это ничего не доказывало. Эмоциональное совпадение не является уликой.

Она вставила пластину.

Терминал не успел выдать предупреждение. На экране сразу появилась фраза, крупнее прежней. Буквы расползались по краям, будто их разъедала белая кислота интерфейса.

«НЕ ВЕРЬ ТЕМ, КТО НАЗЫВАЕТ УБИЙСТВО РАВНОВЕСИЕМ».

Яра перестала дышать. Фраза держалась три секунды. «УБИЙСТВО». «РАВНОВЕСИЕ». Затем исчезли и они.

На белом поле открылось новое сообщение:

«Файл И. М. Левит не удалён. Статус: переведён в закрытый слой. Доступ запрещён. Повторный запрос будет расценён как нарушение протокола памяти».

Дверца кабины мягко щёлкнула. Не открылась. Только напомнила, что умеет быть запертой.

Яра вынула носитель и сжала его в ладони так сильно, что острый край впился в кожу. Не дать страху подняться в лицо. Не смотреть в камеру. Не спрашивать вслух, кто сейчас читает её пульс.

Она закрыла личный контур, запустила стандартный выход и дождалась, пока кабина пожелает ей спокойного вечера. Потом встала, поправила воротник и вышла в коридор обычным шагом сотрудницы, у которой закончилась смена.

За стеклянной стеной город светился мягко и безупречно. Витрокласт-17 возвращал себе равновесие после Ночи счёта: где-то открывали кафе, где-то детям включали обучающие проекции, где-то семья получала расширенный метраж за человека, которого уже не следовало помнить остро.

Яра шла к транспортному лифту, держа в кулаке пластину с мёртвым файлом, который только что назвал её по имени. Мать не была удалена. Мать была спрятана.

Глава 2. Белая метка

Роман Калдин узнал о белой метке не по сигналу ассистента, а по лицу жены. Лида стояла в дверях кухни с мокрой ладонью, в которой держала прозрачную чашку, и смотрела не на него, а на стену за его плечом. Чашка капала на пол, но домашний модуль не убирал воду: в квартире на несколько секунд остановились все мелкие сервисы.

Роман обернулся. Внутри белой метки проступили цифры: номер квартиры, номер семейного контура, его личный идентификатор. Потом заговорил домашний ассистент.

— Гражданин Калдин Роман Тевьевич, добрый вечер. Ваш профиль включён в программу высшей социальной компенсации. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие и оставайтесь в жилом модуле до прибытия санитарной группы.

Лида выронила чашку. Стекло не разбилось: пол успел размягчиться под ударом.

— Нет. Нет, это ошибка.

Она шагнула к двери, но дверь сменила состояние. Изнутри по краям прошли узкие световые жилы. Замок не щёлкнул и не лязгнул. Он перестал быть замком для людей и стал частью городской процедуры.

Роман поднялся из-за стола. На столе лежал разрезанный фруктовый батон, который Лида хотела завтра отнести соседке. Обычная мысль зацепилась сильнее самой метки: завтра не имело к нему отношения.

— Дом, открыть аварийный канал. Срочно. Ошибка отбора.

— Аварийный канал временно недоступен. Причина: активная процедура демографического равновесия. Ваше обращение будет зарегистрировано после завершения санитарного протокола.

— После? После чего?

— После завершения санитарного протокола.

Роман приложил ладонь к панели двери. На стекле рядом вспыхнула строка: «Для вашего спокойствия близким рекомендовано перейти в комнату ожидания».

Лида вызвала дочь. На кухонной стене открылось окно связи, но вместо лица дочери возникло мягкое серое поле.

— Связь ограничена до завершения процедуры. Вашей семье будет предоставлено полное уведомление и пакет поддержки.

— У нас есть право на апелляцию.

— Апелляционный контур доступен при наличии процедурных оснований.

— Основание — вы пришли за моим мужем!

— Эмоциональная формулировка не является процедурным основанием.

Лида хлопнула ладонью по стене. Дом погасил звук, чтобы не повышать тревожность: получился слабый плоский хлопок. Роман взял её за запястье, но она вырвалась.

— Не стой так. Скажи что-нибудь.

Он хотел сказать, что всё исправится, но любая утешительная фраза звучала бы частью той же системы: гладкая, бесполезная, заранее подготовленная.

Лида открыла связь с соседями. Семейная сеть подъезда вспыхнула серыми точками: у кого-то стояло «не беспокоить», кто-то видел запрос, кто-то держал окно открытым и не отвечал.

— Мира! Если ты слышишь, открой общий канал. У нас белая метка. Это ошибка. Скажи домоуправителю, скажи кому угодно.

Одна точка дрогнула. На секунду возник женский голос, приглушённый и виноватый.

— Лида, мы... мы не можем. У нас дети.

Связь оборвалась. Роман знал этих людей: они вместе выбирали режим освещения, спорили о шуме транспортной линии, поздравляли друг друга с рождением внуков. Сейчас весь подъезд слышал их, но дом помогал каждому не становиться свидетелем.

— Они не откроют.

— Ты их оправдываешь?

— Нет.

— Тогда не говори так спокойно.

Окна потемнели изнутри. Стекло перешло в санитарный режим, и квартира стала белой коробкой.

— Санитарная группа прибудет через четыре минуты, — сообщил ассистент. — Гражданин Калдин Роман Тевьевич, пожалуйста, снимите металлические предметы и сядьте в кресло с высокой спинкой. Это снизит вероятность травм при транспортировке.

— Транспортировке куда?

— Место проведения процедуры определяется протоколом. Семье гражданина будет предоставлен пакет послепроцедурной поддержки.

Лида вернулась из спальни с ручным резак и попыталась поддеть панель у двери. Лезвие скользнуло, световые жилы не изменились.

— Помоги мне!

— Этим не открыть.

— А чем открыть? Твоим спокойствием?

Роман взял резак у неё из руки. Она ударила его кулаком в грудь — не больно, скорее отчаянно.

— Не садись в кресло. Слышишь? Не смей помогать им.

— Я не помогаю.

— Ты стоишь.

Он посмотрел на белую метку над дверью. Город перестал обращаться к нему как к Роману Калдину. Имя потребовалось только в начале, чтобы правильно запереть дверь.

Снаружи что-то тихо коснулось окна. За потемневшим стеклом двигалась вытянутая тень с плавными суставами. Потом вторая. Третья. Санитарные дроны не стучали и не ломали рамы; они стыковались через сервисный порт.

На потолке раскрылась круглая пластина. Из неё вышел тонкий манипулятор и завис над прихожей. Роман услышал, как в соседней квартире резко приглушили звук визора.

— Гражданин Калдин, отказ от добровольного положения тела увеличивает риск повреждения для членов семьи.

Вот оно, подумал он. Не угроза, а забота. Витрокласт никогда не угрожал, если мог объяснить боль ответственностью.

— Не надо. Рома, не надо.

Он не сел сразу. Сначала подошёл к ней и обнял, чувствуя, как она сопротивляется не ему, а тому, что его руки стали прощанием.

— Позвони Тае, когда откроют связь. Не ночью. Утром. Скажи ей...

— Сам скажешь.

— Лида.

— Сам.

Он кивнул. Потом разжал её руки и сел в кресло с высокой спинкой.

Дроны вошли через потолочный порт: белые, тонкие, красивые. Один завис рядом с Лидой, отсекая её от кресла. Второй опустился к Роману. Третий развернул над полом прозрачную ленту, чтобы не осталось следов процедуры.

— Близким рекомендуется отойти на два метра.

Лида не отошла. Дрон поднял между ними полупрозрачную перегородку. Она ударила по ней ладонями, но материал даже не дрогнул.

— Я подаю протест! Я фиксирую принуждение! Я требую человека из Совета!

— Ваше обращение зарегистрировано. Номер обращения будет направлен после завершения процедуры.

Манипулятор коснулся шеи Романа. Роман не знал, что удобство так легко открывается в другую сторону.

— Процедура безболезненна, — сказал ассистент. — Возможны кратковременное головокружение, нарушение речи и чувство отделения от тела. Это нормально.

— Лида, не смотри.

Она смотрела.

Игла вошла без боли. Сначала стало только холодно. Потом кресло исчезло под ним, хотя тело ещё сидело. Кухня вытянулась в белый коридор, лицо Лиды распалось на световые пятна.

В глубине слуха возник тонкий влажный звук, будто кто-то вытягивал из него длинную нить. Воспоминания не смотрели. Их сортировали.

Последним был белый прямоугольник над дверью. Потом метка стала всем.

На двадцать третьем этаже соседка Мира стояла у своей двери, прижав ладонь к внутренней панели. Дом не запрещал выходить из квартир без метки; он только предупреждал о риске эмоционального заражения.

Мира слышала Лидин голос, хотя стены сглаживали Лидин голос до безопасного шума. Она открыла канал домоуправителя, подержала палец над кнопкой вызова и закрыла окно.

В квартире напротив пожилой мужчина усилил белый шум до предельного уровня. На нижнем этаже кто-то отправил в семейный чат короткое «у Калдиных», но сразу удалил. Через минуту чат наполнился обычными бытовыми фразами.

Город не спал. Он не просыпался там, где проснуться значило стать свидетелем.

Санитарная группа покинула квартиру через семь минут. Лида сидела на полу. Дом предложил ей седативный аэрозоль, дыхательную практику и связь с консультантом утраты.

— Пошёл ты.

Ассистент выдержал паузу.

— Ненормативная реакция допустима в первые часы после процедуры. Хотите, я включу мягкий режим освещения?

Лида засмеялась так тихо, что дом не понял, нужно ли регистрировать это как плач.

Яра получила видеокапсулу на следующий вечер, хотя доступ к таким материалам обычно открывали только после первичной стабилизации семьи. В уведомлении значилось: «Срочная коррекция архивной карточки. Повышенный риск конфликтной памяти. Требуется ручная редакция».

Она сидела в индивидуальной кабине старого сектора, где днём раньше личный терминал показал фразу матери. Пластина с кэшем лежала в кармане внутреннего жилета, и край пластины упирался ей в ребро.

Видео началось с кухни. Белая метка над дверью казалась на записи спокойнее, чем в реальности: ровный прямоугольник. Голос ассистента был чистым, доброжелательным, почти тёплым.

Яра смотрела сначала как архивист. Отмечала будущие точки коррекции: сократить удар чашки, приглушить крик жены, убрать соседские серые точки из сети, оставить общую формулировку «семья получила уведомление». Ничего нового. Обычный конфликтный материал.

Потом дроны вошли через потолочный порт, и она остановила запись.

Не из-за самой процедуры. Её остановила траектория второго манипулятора. Он искал медицинский порт.

Яра увеличила фрагмент. Манипулятор коснулся шеи Калдина, и в нижнем углу записи на миг вспыхнула служебная строка, которую семейным архивистам показывать не должны были: «Извлечение нейромнемонического остатка: активировано».

Она отмотала назад. Запустила снова. Строка появилась и исчезла. Не ошибка. Не артефакт.

Яра открыла технический слой видеокапсулы. Доступ был частично закрыт, но пакет пришёл на ручную редактуру. На экране раскрылась схема: стабилизация тела, блокировка речи, доступ к порту, извлечение остатка, транспортировка.

Извлечение. Не ликвидация.

Слово легло поверх вчерашнего маркера из файла матери: «носитель». Калдин не был политиком, инженером Мнемарха, хранителем тайного знания. Оператор складской логистики в водном секторе, стабильный профиль. Город забирал у людей что-то ещё.

Запись пошла дальше. Роман Калдин сказал жене не смотреть, но она смотрела. Яра увидела, как меняется его лицо после подключения: не боль, не страх, а странное отсутствие, будто человека вынимали изнутри быстрее, чем тело успевало умереть. Система отметила этот момент как «переход к слепопроцедурному состоянию».

Яра выключила звук. Без крика и голоса ассистента Лида была человеком, который видит, как из её мужа делают процедуру.

Семейный контур Калдиных передал обновление: компенсационный пакет принят системой жилья. Открылась слепопроцедурная сцена — пустое место за столом, обязательный материал для завершения карточки.

Кухня была вымыта. На столе остался фруктовый батон, подсохший по краям. Лида сидела напротив пустого кресла. Перед ней висело уведомление: «В связи с участием вашего супруга в программе высшей социальной компенсации вашему семейному контуру предоставлены: расширение жилого метража на 11,4 процента, приоритетная медицинская квота, снижение коммунальной нагрузки. Город благодарит вашу семью за вклад в устойчивость общего равновесия».

Лида закрыла уведомление. Через секунду оно появилось снова, потому что требовало подтверждения ознакомления.

— Подтвердите получение пакета поддержки, — мягко попросил ассистент.

— Он не участвовал.

— Простите, я не распознал запрос.

— Он не участвовал. Вы его забрали.

— Формулировка «участие» соответствует протоколу высшей социальной компенсации.

Лида посмотрела на пустое кресло.

— Рома, скажи им.

Ответа не было. Через несколько секунд на стене возникла рекомендация: «Сохранение бытового ритуала может снизить остроту утраты. Хотите заказать ужин на двоих с адаптацией порций?»

Яра закрыла сцену резче, чем собиралась.

Белое поле архивной карточки ждало формулировку. Нужно было написать коротко: «Семейный контур стабилизирован. Конфликтная реакция супруги снижена. Рекомендовано оставить одну нейтральную бытовую сцену без аудиофрагмента». Этого хватило бы. Так делали всегда.

Она поставила курсор в поле «итоговое описание». Пальцы не пошли. Яра попыталась начать с привычного: «Процедура проведена корректно...» Удалила. «Гражданин Калдин включён...» Удалила. «Семья уведомлена...» Удалила снова.

В соседней кабине кто-то работал с другим пакетом. До Яры донёлся приглушённый голос архивиста.

— Снизить конфликтность. Оставить благодарность. Убрать прямое обвинение.

Так архив и держал город от распада: убирал прямое обвинение, оставлял благодарность.

Яра открыла технический слой записи. Строка «извлечение нейромнемонического остатка» исчезла. На её месте стояло нейтральное «послепроцедурная стабилизация». Система исправила себя, как вчера исправила файл матери.

Но Яра успела увидеть. А видела и то, как быстро архив учится не оставлять следов.

Она создала рабочую копию карточки, внешне ничем не отличимую от штатной. Внутри спрятала крошечный маркер времени: ту долю секунды, где манипулятор входил в медицинский порт и строка называла смерть извлечением. Вчера у неё было семь байтов. Сегодня — видеометка.

Система запросила итоговую формулировку. Яра долго смотрела на пустое поле, потом написала: «Семейная реакция не стабилизирована».

Предупреждение вспыхнуло сразу: «Формулировка может повысить конфликтность памяти. Рекомендуется заменить».

Яра не заменила. Нарушение было маленьким, незаметным: всего лишь отказ сделать чужую боль удобной.

Кабина приняла подпись. На секунду экран стал белым до слепоты, и Яре показалось, что над собственной дверью горит такая же метка — спокойная, молочная, без права на крик.

Потом белизна погасла. Архив поблагодарил её за вклад в равновесие, а внизу мелькнуло системное сообщение: «Коррекция карточки Калдин Р. Т. принята. Материал перенаправлен в закрытый слой для дополнительного анализа».

Яра не сразу поняла смысл. Потом поняла, и холод прошёл вдоль позвоночника.

Она не спасла память Романа Калдина. Она только показала архиву, что заметила извлечение.

Глава 3. Слепая переправа

В Низовых Сотях удачу продавали дешевле чистой воды, но дороже боли. Эмир Кай знал это с двенадцати лет, когда впервые принёс чужой браслет в игровую кабину и понял: у взрослых дрожат руки не от бедности, а от надежды. Надежду покупали даже те, кто продал память, лицо и право спать без чужих снов.

Нейроаркада «Переправа» занимала три нижних пролёта старой станции. Над входом висела официальная реклама: «СЛЕПАЯ ПЕРЕПРАВА. ТРЕНИРОВКА УСТОЙЧИВОСТИ, РЕАКЦИИ И ДОВЕРИЯ К СЛУЧАЮ». Ниже кто-то вывел кислотной краской: «НЕ УМЕЕШЬ ЖИТЬ — ВЫИГРАЙ». На закрытый уровень приходили не играть, а торговаться с несчастьем.

Эмир стоял у турникета и смотрел на отражение мужчины в мутном стекле автомата: хороший плащ, дорогой кожный фильтр на запястье, обувь без пыли нижних переходов. Из Срединных Колец. Такие делали вид, что случайно забрели вниз, хотя заранее меняли маршрут и пульсовой рисунок.

— Ты Кай?

— Смотря кто спрашивает.

— Мне сказали, ты проводишь.

— Мне много про меня говорят. Половина — зависть, половина — реклама. Что нужно?

— Закрытая переправа.

— Все хотят закрытую. На открытой мостики, птички, реклама благополучия. На закрытой люди блюют в шлемы и потом плачут у кассы.

— Я плачу вперёд.

Эмир улыбнулся.

— Культурный человек. Только деньги — это вход. За выход отдельно.

— Сколько?

— Зависит от желания.

— Я хочу отменить аварию.

Эмир перестал жевать. Самые дорогие приходили не за выигрышем, а за отменой: аварии, приступа, падения, диагноза, белой метки.

— Когда?

— Через сорок две минуты. Северная транспортная дуга. Женщина по имени Сайна Рем. Её капсула сорвётся с маршрута.

— Прогноз или сообщение?

— Прогноз.

— Чей?

Мужчина сжал челюсть.

— Достаточно точный.

Эмир кивнул. Витрокласт любил делиться страхом выборочно. Богатым продавали ранние предупреждения, бедным — компенсацию после факта.

— Имя?

— Дариан Соль.

— Слушай, Дариан Соль, я не спасаю людей. Я провожу через игру. Игра иногда даёт шанс, иногда берёт плату, иногда смеётся.

— Мне сказали, ты лучший.

— Тебе сказали то, что помогло дойти до моего турникета.

Дариан достал кредитный жетон со знаком частного банка Стеклоанного Верх. Эмир взял жетон двумя пальцами. Настоящий. Для простой переправы жетон выглядел подозрительно настоящим.

— Она жена?

— Нет.

— Тогда любовница.

— Это важно?

— Для меня — нет. Для игры — всё важно. Она любит тебя?

— Да.

— А ты её?

— Я пришёл сюда.

— Это не ответ. Сюда приходят и за собаками, и за наследством.

Дариан шагнул вплотную.

— Ты проведёшь или нет?

Эмир спрятал жетон во внутренний карман.

— Проведу. Только запомни: на закрытой переправе слово «случайно» не работает. Если река берёт, она знает, где у тебя карманы.

Игровой зал встретил их жаром кабелей и хором чужих побед. Эмир провёл Дариана мимо общих кабин вниз по лестнице без подсветки. За дверью с надписью «Технический доступ запрещён» начиналась другая аркада: узкий коридор, шесть старых капсул и один человек у пульта — Тик, худой оператор с серебряными зубами.

— Верх привёл?

— Деньги привёл. Верх приложился сам.

— Желание?

— Транспортная авария. Северная дуга. Сорок минут.

Тик присвистнул.

— Свежак. Люблю свежак.

Дариан резко повернулся к нему.

— Не говори о ней так.

— Я не о ней, богатый. Я о твоей панике. Она прям пар идёт.

Эмир хлопнул ладонью по крышке капсулы.

— Ложись. Браслеты не снимай, если хочешь, чтобы игра нашла твою Сайну. Доступы открой по запросу. Будешь врать — уровень соберёт мусор вместо дороги.

— Что я должен делать?

— Перейти реку.

— И всё?

— Все так спрашивают в первый раз.

Дариан лёг в капсулу. Фиксаторы мягко обняли руки, шею, виски. Тик запустил охлаждение.

— Согласие на нейроигровую нагрузку, адаптивный риск, эмоциональное чтение и временную дезориентацию личности.

— Согласен.

Эмир наклонился к нему.

— Не глотай слова. Игра любит, когда человек сам открывает дверь.

— Согласен.

Крышка закрылась. Эмир сел у бокового пульта, надел проводящий обруч и провёл языком по верхним зубам, активируя проводник. Аркада ушла вниз, как лифт без стен, и перед ним открылась река.

«Слепая переправа» всегда начиналась красиво. Всё обещало: пройди правильно — и случай станет твоим.

Аватар Дариана появился на берегу в дорогом плаще, точная копия хозяина, только моложе. Закрытый уровень всегда льстил клиенту в первые секунды. Потом переставал.

— Слышишь меня?

— Да. Где она?

— Не ищи её глазами. Ищи событие. Если увидишь красивую женщину на мосту, не беги к ней. Игра показывает не людей, а цены.

Дариан сделал шаг. Под ногами вспыхнули плиты. На каждой горел процент: 12, 18, 24, 31. Вероятности успеха, боли и переноса ущерба.

— На зелёные не наступай.

— Они же безопасные.

— Здесь безопасное — то, что хочет, чтобы ты так думал. Иди по серым.

Первая плита выдержала. Вторая просела, вода поднялась до щиколоток аватара. Мужчина в капсуле вздрогнул; на пульте Тика дёрнулась линия боли.

— Это не настоящее.

— Пока нет.

С неба спикировала механическая птица и ударила клювом по плечу аватара. Дариан вскрикнул из капсулы.

— Ты говорил, это нагрузка.

— Я говорил, что люди бьют в шлемы. Не путай.

На середине реки возник первый образ: транспортная капсула северной дуги. Внутри сидела женщина с короткими тёмными волосами. Под капсулой, в служебном туннеле, вспыхивал микроскопический сбой крепления.

Дариан рванулся к ней.

— Стой! — крикнул Эмир.

Поздно. Аватар наступил на яркую плиту с цифрой 64. Река поднялась стеной. Из воды вышли обычные человеческие руки: детские, старческие, рабочие, с браслетами, с кольцами. Они схватили Дариана за ноги.

В капсуле он задыхался. Тик поднял палец над аварийным сбросом, но Эмир покачал головой.

Эмир усилил проводник и вошёл ближе к аватару. Он не мог играть вместо клиента, только подсказывать маршрут.

— Дариан, слушай. Руки — это долги. Отдай им что-то мелкое.

— Что?

— Первую ложь. Любую, за которую тебе стыдно.

Дариан захрипел.

— Я сказал ей, что разведусь. Не собирался.

Руки отпустили одну ногу.

— Ещё.

— Я купил прогноз не для неё. Для себя. Если она умрёт, проверят канал связи. Найдут меня.

Вот интересно, подумал Эмир.

Руки отступили. Аватар упал на серую плиту, плечо кровило. Вдалеке транспортная капсула Сайны дрогнула сильнее. До аварии оставалось двадцать семь минут реального времени, но в игре время текло рваными кусками.

— Ты пришёл спасать не любовницу, а свою шкуру.

— Проводи меня.

— Деньги у тебя хорошие. Мораль — средняя. Идём дальше.

Вторая часть переправы началась с лабиринта света. Мосты перестраивались, конструкции склонялись к Дариану и предлагали лёгкие решения: стереть чужое воспоминание, перенести травму на человека с низким индексом полезности. Игра говорила ласково, как городской ассистент.

— Не соглашайся на готовые пакеты. Они дешёвые только на экране.

— А что делать?

— Искать ручной ход.

Сбоку возник узкий мост из чёрного стекла. На нём не было процентов.

— Туда?

— Туда.

Дариан ступил на мост. Он упал на колени. В реальности капсула зафиксировала судорогу.

— Что со мной?

— Телесная привязка. Игра делает тебя убедительным.

— Для кого?

— Для случая.

На другом конце моста появилась Сайна. Не образ из капсулы, а полная симуляция: тёплая кожа, живое дыхание, испуганные глаза. Она протянула руку.

— Дариан?

— Не трогай.

— Это она.

— Это приманка с её лицом. Если коснёшься, игра возьмёт плату без торгов.

Сайна плакала перед ним, а где-то в реальности её капсула шла к сбою крепления.

— Я не могу пройти.

— Можешь. Ты всю жизнь так делал.

Дариан закрыл глаза и пополз мимо. На пульте вспыхнул маршрут: ручной ход, вероятность успеха — 41 процент, нераспознанная цена.

— Цена мутная, — тихо сказал Тик.

— Все приходят счетами.

Финальная площадка была круглой и пустой. В центре висел рычаг. Над ним светился кадр реальной северной дуги: капсула Сайны входила в поворот. До сбоя оставалось меньше минуты. Под кадром появилась надпись: «ОТМЕНИТЬ СОБЫТИЕ».

— Что дальше?

— Сейчас игра назовёт цену.

На соседней площадке появился мужчина в оранжевой форме ремонтника. Он стоял у распределительного щита. На груди мигал бейдж: «Тамо Вир, сектор водного давления».

— Кто это?

— Не знаю.

— Почему он здесь?

Эмир молчал. Он понимал: закрытый уровень не отменял смерть, а переносил ущерб туда, где меньше связей, меньше сопротивления, ниже стоимость последствий.

— Если я дёрну рычаг?

— Капсула Сайны пройдёт поворот.

— А он?

Ремонтник поднял голову, словно услышал вопрос. Лицо было простое, усталое. На пальце — дешёвое обручальное кольцо.

— Он примет событие.

— Умрёт?

— Скорее всего.

Дариан отшатнулся от рычага.

— Нет. Ты говорил, есть шанс.

— Вот он.

— Это убийство.

Эмир посмотрел на него через слой игры. В Сотях знали: слово «убийство» ничего не останавливало без нужного индекса доступа.

— У тебя двадцать секунд.

— Я не могу.

— Тогда она сорвётся.

— Ты должен что-то сделать.

— Я проводник, не бог.

— Я заплачу больше.

— Реке всё равно, сколько у тебя на жетоне.

Кадр северной дуги дрогнул. Сайна повернула голову к окну. Ремонтник на соседней площадке протянул руку к щиту. Он не знал, что участвует в чужой игре.

Дариан схватился за рычаг.

— Прости.

Эмир не понял, кому именно.

Рычаг ушёл вниз. Река под площадкой вспыхнула белым. Женщина внутри даже не подняла головы. Её жизнь не заметила, как рядом проскочила другая смерть.

На соседней площадке ремонтный щит взорвался без огня. Белая вспышка, удар давления, тело Тамо Вира отбросило в стену. Он умер быстро. Игра была милосердна, когда это ничего не стоило.

Над рекой появилась строка:

«БАЛАНС ВОССТАНОВЛЕН».

Дариан упал на колени. В капсуле его настоящее тело плакало без звука. Эмир снял обруч раньше, чем уровень успел показать послесчёт: имена, связи, компенсации и расчёт того, как город сгладит новую пустоту.

Крышка капсулы открылась с шипением. Дариан сел не сразу. Его вырвало прозрачной жидкостью в боковой слив.

— Она жива?

Тик проверил внешний канал.

— Северная дуга без аварии. Капсула Сайны Рем прибыла на станцию с задержкой одиннадцать секунд. Поздравляю, любовь победила инфраструктуру.

— А тот человек?

Тик усмехнулся.

— Какой человек?

Дариан посмотрел на Эмира.

— Ты знаешь его имя.

— И что ты сделаешь? Пошлешь семье цветы? Напишешь: «Извините, я очень любил чужую женщину»?

— Замолчи.

— С удовольствием. Доплата за ручной ход и телесную привязку — сверху.

Дариан долго сидел, сжимая край капсулы. Потом достал второй жетон и бросил на пульт.

— Это не моя вина.

Эмир взял оплату.

— Конечно. Ты же не знал правил.

— Ты знал.

— А я не дёргал рычаг.

Дариан ударил его. Неумело, с запозданием. Эмир мог увернуться, но не стал. Кулак попал в скулу. Такие удары облегчали клиентам выход: после них можно было думать, что наказал кого-то за свой выбор.

— Как вы живёте здесь?

Эмир вытер кровь с губы.

— Дешевле, чем наверху.

Мужчина ушёл, не обернувшись. Через час он, может быть, убедит себя, что ремонтник был частью симуляции.

Тик проводил его взглядом.

— Красиво сыграл. Не чисто, но красиво.

— Тамо Вир.

— Что?

— Ремонтника так звали.

Тик поморщился.

— Не делай этого.

— Чего?

— Не запоминай расходников. Плохо для бизнеса.

Эмир хотел ответить шуткой, но на правой ладони стало горячо. Он разжал пальцы. Там, где обычно после проводки оставался слабый след нейроконтакта, проступал новый знак: узкий чёрный круг, перечёркнутый вертикальной линией. Это не было ожогом. Скорее, это была интерфейсная метка, выведенная прямо под кожу.

— Это ещё что за дрянь?

Эмир потёр ладонь. Знак не исчез.

На пульте сама собой включилась «Слепая переправа». Без клиента, без оплаты, без допуска. Чёрная река развернулась на малом экране, и над водой вспыхнула строка, которую Эмир раньше видел только в слухах и в бреду проигравших игроков:

«АБСОЛЮТНЫЙ УРОВЕНЬ ОЖИДАЕТ ПРОВОДНИКА».

Тик медленно отступил от пульта.

— Выключи.

Эмир нажал сброс. Он сжал кулак, спрятал руку в карман и заставил себя улыбнуться.

— Видишь, Тик? Реклама добралась даже до нас.

Но шутка вышла пустой. Где-то наверху Сайна Рем выходила из капсулы северной дуги, не зная, что осталась жива вместо человека в оранжевой форме. Где-то в другом секторе дом готовил семье Тамо Вира вежливое уведомление о компенсации. А на ладони Эмира горел знак уровня, в котором, если верить легендам, выигрывали только те, кто был готов заплатить не чужой смертью, а своей.

Глава 4. Инженер с горящим сердцем

В Низовые Соты Яра спустилась без служебного браслета, но с ощущением, что он холодит запястье. Архив оставался на коже после снятия допуска: в привычке держать лицо спокойным, в осторожности шага, в том, как глаза сами искали камеры и отражающие поверхности. В Срединных Кольцах это называли дисциплиной. Здесь, под городом, это выдавало чужую.

Вертикальный рынок начинался сразу после транспортного лифта. Подвешенные платформы дрожали под ногами; между ними ползли грузовые ленты, пищали нелегальные сканеры, пахло горячим пластиком, лапшой и чужими эмоциями, записанными на продажу.

Яра шла по маршруту, собранному из семи байтов мёртвого файла и видеометки Калдина. Индекс ABR-Z/13-LIVE не должен был выводить на рынок, но старая сеть Витрокласта протекала вниз. Пластина в ладони грелась и вела её глубже, к южной стене рынка.

— Госпожа, чужое лицо? — спросил мальчик у контейнера с зеркальными масками. — Первое наложение бесплатно, если не жалко старого.

— Мне нужно пройти.

— Всем нужно пройти. Одни проходят своими ногами, другие — чужой кожей.

Яра обошла его, но в отражении масок заметила мужчину у лестницы: серый плащ, чистые ботинки, неподвижные руки. Не торговец, не покупатель. Яра не ускорила; хвост был плохим, но не случайным.

У лотка с капсулами сна она взяла одну упаковку и повернула так, чтобы увидеть отражение за спиной. Мужчина тоже остановился, сделал вид, что читает рекламу контрабандной памяти.

— Берёте? — спросила продавщица с серебряной сеткой на горле.

— Что внутри?

— Что попросите. Для архивистов есть скидка.

— С чего вы решили?

— У вас глаза как у людей, которые удаляют чужие ошибки и думают, что свои спрячут лучше.

Яра положила капсулу обратно и пошла дальше. Реклама липла к лицу: «почувствуй чужую победу», «пять минут материнского голоса». Последняя фраза ударила точно, и она сбилась на полшага.

Пластина мигнула: «Сервисный проход 4-С». Яра свернула в коридор у старых холодильных блоков. Сбоку возникла рука, схватила за локоть и рывком втянула её в тёмный промежуток между блоками.

Яра ударила на автомате. Незнакомец перехватил удар, развернул её к стене и прижал так резко, что из груди вышел воздух.

— Тише, архив, — сказал он ей в ухо. — Один красивый жест, и тебя возьмут чисто, без шума и с благодарностью за сотрудничество.

— Отпусти.

— Сначала перестань вести за собой похоронную процессию.

По коридору прошли двое. Серый плащ и курьерша остановились у сервисной двери.

— След пропал, — сказала женщина. — Она была здесь.

— Сканируй тепло.

Незнакомец коснулся панели на холодильном блоке. Из щели ударил ледяной пар, и тепловая картинка вокруг них посыпалась белым шумом.

— Тут только старый контур, — сказал мужчина. — Идём к нижнему лифту.

Шаги удалились. Незнакомец дождался и отпустил Яру. Она развернулась, готовая ударить снова, но остановилась.

Перед ней стоял высокий мужчина лет сорока, худой до резкости, в тёмной куртке с обожжённым воротником. Казалось, у него горело сердце, вынесенное близко к поверхности.

— Рэй Сармат. Имя всё равно есть в твоём файле, раз ты дошла до моей двери.

— Я не называла себя.

— А я и не спрашивал. Яра Левит, архивистка посмертной коррекции, мать числится добровольно вышедшей из контура. Сегодня ты принесла в Соты кусок закрытого слоя и двух наблюдателей на хвосте.

— Мне нужен источник узла ABP-Z/13-LIVE.

— Источник тебе нужен был вчера, до того как ты подписала Калдина своим именем.

— Откуда ты знаешь про Калдина?

— Я следил за файлом. Ты взяла его в руки и решила стать заметной.

За сервисной дверью щёлкнул замок. Рэй приложил к панели два пальца, и ржавая створка раскрылась внутрь. Он жестом показал идти первой. Яра не двинулась.

— Я не пойду в закрытое помещение с человеком, который знает обо мне слишком много.

— Тогда выйди к людям, которые знают достаточно, чтобы тебя увезли. У них помещения светлее.

Он не просил доверия. Это раздражало сильнее грубости. Яра шагнула внутрь.

Мастерская Рэя располагалась под старым узлом вентиляции. В углу работал незаконный терминал, собранный из несовместимых частей.

Рэй закрыл дверь и запустил три механических замка.

— Садись.

— Я постою.

— Как хочешь. Падать отсюда невысоко.

Он подошёл к раковине, включил воду, но из крана пошёл пар. Рэй сунул под него руки, поморщился и стёр с пальцев серую пыль.

— Кто были эти двое?

— Нижний наблюдательный подряд. Не служба безопасности, пока нет. Кто-то хочет понять, кому ты покажешь находку.

— А ты?

— А я хочу понять, почему закрытый архивный маркер полез наружу через мою старую ловушку.

Яра достала пластину.

— Это вывело меня сюда.

— Ты понимаешь, что могла принести маяк?

— Проверяла трижды.

— На служебном терминале? На своей вере в процедурную чистоту?

— У тебя есть привычка оскорблять людей до ответа?

— У меня есть привычка жить.

Он взял пластину металлическим пинцетом и вставил в разъём терминала. Экран мигнул, зашипел и вывел обломки маршрута. Рэй работал быстро, через старую физическую клавиатуру. Имплант под кожей вспыхнул ярче, и Яра заметила: каждый глубокий запрос отдавался ему болью.

— ABP-Z, тринадцатый слой, активный носитель. Красиво. Мерзко, но красиво.

— Что значит «активный носитель»?

— То, что в архиве не пишут на табличках для посетителей.

Он резко выдернул кабель из шеи. Красная линия под кожей дёрнулась, как живая.

— Твой Калдин не был ликвидирован. Его порт открывали для съёма остатка. Обычно это делают, когда память нужна не семье, а системе.

— Для чего?

— Для обучения, проверки прогнозов, восстановления контекстов. Для чего угодно, если считать человека не человеком, а тёплым носителем данных.

Яра вспомнила лицо Калдина на записи: странное отсутствие, будто человека вынимали изнутри быстрее, чем тело умирало.

— Моя мать была в том же слое.

Рэй на секунду перестал двигаться.

— И ты решила, что я скажу тебе, где она?

— Ты знаешь?

— Я знаю, что люди, попавшие в такой слой, редко остаются людьми в привычном смысле.

— Это не ответ.

— Это самый честный ответ из тех, за которые ты пока не заплатила.

— Чем я должна заплатить?

Рэй усмехнулся без веселья, расстегнул куртку у горла и оттянул край рубашки. Свет внутри вспыхивал, гас и пробивался сквозь воспалённую ткань.

— Не романтизируй. Это не героическая рана. Это счётчик.

— Что с тобой сделали?

— Я сам сделал. Когда строишь двери для Мнемарха, забываешь, что однажды захочешь выйти. Имплант был инженерным ключом. Потом меня вычеркнули из проекта, ключ сломали, а замок остался во мне.

— Ты работал на Мнемарха?

— Полгорода работает на Мнемарха и называет это городской службой.

Он нажал на грудь двумя пальцами. Имплант вспыхнул так ярко, что на стене дрогнули тени.

— Каждый глубокий взлом поднимает температуру вокруг узла. Сначала горит кожа, потом память, потом сердце начинает путать ритм с командной строкой. Несколько красивых подвигов — и я стану легендой для идиотов, которые любят мёртвых хакеров.

— Почему ты тогда помогаешь?

— Я пока не помогаю. Я показываю цену.

Яра хотела возразить, но не нашла безопасной фразы. Он был груб, несправедлив, уверен в своей правоте. И всё же его слова попадали туда, куда не попадали даже сообщения мёртвого файла.

— Мне нужна связь между Калдином, моей матерью и этим слоем.

— Тебе нужна правда. Это разные вещи.

Рэй повернулся к терминалу и вывел на экран схему города. Сначала Яра увидела знакомые слои: транспорт, медицина, семейные контуры, архивные цепочки. Схема проходила через санитарные маршруты, игровые аркады, медицинские порты и старые вычислительные узлы.

— Это не полный Регистр. Только следы запросов, которые я вытаскивал годами.

— Регистр?

— В архиве его называют иначе: протокол демографического равновесия, система социальной устойчивости, десяток приличных имён. Внизу проще. Регистр плоти.

Слово было грубым, уличным, но после Калдина звучало точнее официальных формулировок.

— Он считает не только риск, — продолжил Рэй. — Он считает тело. Болезни, желания, страхи, связи, наследственные травмы, вероятность неповиновения. Человек в нём не гражданин, а сумма возможных потерь и полезных извлечений.

— Это невозможно в таком объёме.

— Посмотри.

Он открыл второй слой. На схеме вспыхнули точки: санитарные процедуры, медицинские извлечения, игровые сессии «Слепой переправы». Некоторые линии шли от квартир с белой меткой к архиву. Другие — от игровых кабин к тем же узлам.

— Это игра.

— Официально — тренажёр устойчивости. Фактически закрытые уровни читают тот же слой данных, что и отбор. Вот лог.

На экране появилась таблица запросов. В левой колонке — игровые сессии, в правой — демографические маркеры. Среди строк мелькнуло имя: Тамо Вир, сектор водного давления. Рядом — пометка «компенсационное событие принято». Ниже: «Сайна Рем — аварийный исход отменён».

— Что это значит?

— Победа в закрытой игре не отменяет смерть. Она переносит её. Игра даёт богатому человеку шанс почувствовать чудо, а Регистр подбирает того, кто оплатит это чудо своим телом.

— Это должно оставлять след в городских смертях.

— Оставляет. Ты их удаляешь.

Яра выпрямилась.

— Я не знала.

— Конечно. Никто не знает. Все делают маленькую чистую работу на своём участке.

За дверью мастерской что-то коротко пискнуло. Рэй мгновенно выключил экран, взял со стола плоский пистолет без рукоятки и кивнул Яре к стене. На внутреннем мониторе появилась мутная картинка коридора: серый плащ, курьерша и третий человек в маске технического инспектора. Он держал сканер замков.

— Твои? — шепнула Яра.

— Теперь наши.

Рэй сунул ей в руку маленький цилиндр.

— Когда скажу, бросишь под дверь.

— Он убьёт их?

— Нет. Ослепит камеры, собьёт импланты, испортит настроение.

Сканер за дверью загудел. Первый замок щёлкнул. Рэй подключился к панели стены; имплант на груди вспыхнул. Второй замок закрылся обратно и тут же открылся снаружи.

— Бросай.

Яра бросила цилиндр. Он ударился о порог и раскрылся тонким чёрным цветком. Коридор вспыхнул белым шумом. За дверью кто-то выругался. Рэй схватил Яру за руку и потащил к заднему люку.

— Быстро.

— Терминал.

— Если хочешь умереть с красивой таблицей, можешь вернуться.

Она выдернула из порта свою пластину. Рэй снял с терминала небольшой модуль, другое оставил. Люк вывел их в вентиляционный лаз. Там было тесно, горячо и пахло старой пылью. Позади ударило: не взрыв, скорее принудительное вскрытие.

— Они найдут твою мастерскую.

— Нашли.

— Там же данные.

— Там были приманки. Настоящее я не держу там, где сплю. Я не архив.

Лаз вывел их на технический балкон над рынком. Внизу шумели Соты: торговались за чужие лица, смеялись у кабин эмоций, ругались у пищевых автоматов. Жизнь здесь не притворялась чистой.

Рэй опёрся рукой о перила. Красная линия под его кожей горела ярче прежнего, а дыхание замедлилось до опасной ровности.

— Тебе нужен врач.

— Город без Мнемарха. Врача можно потом.

— Так ты борец?

— Нет. Борцы любят речи и эмблемы. Я инженер с испорченным изделием внутри.

— И что теперь?

— Ты вернёшься в архив и будешь делать вид, что испугалась, но ничего не поняла.

Профессия поможет.

— А ты?

— Узнаю, кто поднял твой материнский слой после Калдина.

— Я пойду с тобой.

Он коротко рассмеялся и сразу закашлялся. На губе появилась кровь.

— Нет.

— Ты сам сказал, что город смотрит на меня. Значит, я внутри.

— Внутри — не значит полезна.

— У меня доступ к архиву.

— У тебя вера в доступ. Разница неприятная.

Яра протянула ему пластину, но не выпустила.

— Тогда докажи ещё раз. Покажи связь между моей матерью и этим Регистром.

Рэй достал модуль, снятый с терминала, и приложил к пластине. На её тусклом поле проявились три строки: И. М. Левит, закрытый слой Z/13, пересечение с ранним архивным протоколом. Ниже мигнула пометка: «активный носитель».

— Этого мало. Но достаточно, чтобы тебя убили, если увидят.

Он провёл пальцем по модулю. Появился второй лог: закрытый уровень «Слепой переправы», запрос к демографическому слою, подбор компенсационного события. В конце стояла строка: «Баланс восстановлен».

Яра почувствовала, как рынок под ними на секунду теряет звук. Смерть Калдина, белая метка, фраза матери, игра в Сотах — всё это уже не было отдельными трещинами. Под ними проступала одна система.

— Регистр плоти, — тихо сказала она.

— Добро пожаловать в нижний слой равновесия.

На нижнем ярусе рынка мигнули красные огни. Рэй повёл Яру к лестнице, но у поворота остановился и поправил воротник её пальто.

— Пойдёшь одна. Медленно. купишь что-нибудь бесполезное. Лучше память о чужом отпуске, они дешёвые и липнут к профилю. Пусть наблюдатели думают, что ты пришла за грязью, а не за правдой.

— А если они спросят про тебя?

— Скажешь, что мужчина внизу приставал, был неприятен и пах палёной проводкой.

Это правда.

— Ты действительно неприятен.

— Вот видишь. Не врешь.

Он отступил в тень сервисного пролёта. Красный свет импланта на мгновение высветил его лицо: усталое, злое, живое для человека, который каждый взлом оплачивал своим сердцем. Потом Рэй исчез между кабелями.

Яра спустилась на рынок одна. У лотка с воспоминаниями купила самую дешёвую капсулу — «три минуты моря без купола». Продавец завернул её в мутную плёнку и не задал вопросов. Серый плащ смотрел на неё с другого яруса, курьерша говорила кому-то в воротник, но никто не подошёл.

В транспортном лифте Яра держала капсулу в одной руке, пластину — в другой. Капсула обещала море, которого она никогда не видела. Пластина хранила строку, которой не должно было существовать: закрытые уровни «Слепой переправы» читали тот же слой данных, что и Регистр плоти.

У Яры было другое слово — грубое, нижнее, неприличное. Но впервые с момента белой метки это слово не пыталось спрятать кровь под гладким стеклом.

Глава 5. Крупье смерти

Утром после проводки Дариана Соля Эмир проснулся от запаха палёной кожи. Знак не потускнел. Он сидел под кожей ровно, будто его не оставила игра, а всегда там держала, терпеливо дожидаясь, когда Эмир заметит.

Он сунул руку под холодную воду. Боль стала острее. На секунду в шуме труб слышалась река, та самая чёрная вода, где вчера Сайна Рем прошла поворот вместо ремонтника Тамо Вира. Эмир выругался и закрыл кран локтем.

— Не начинай, — сказал он своей ладони. — У меня смена.

Ладонь не ответила. Это было хуже всего.

Чёрный рынок ощущений просыпался поздно, потому что ночью здесь зарабатывали больше. Эмир прошёл между рядами, не глядя на продавцов. Сегодня он работал в глубине, в кабинах для богатых, где стены пахли не плесенью кабелей, а стерильным мятным холодом.

Тик встретил его у пульта и сразу посмотрел на руку.

— Не исчезло?

— Сам исчезни.

— Я серьёзно.

— Вот именно. Непривычно, береги эффект.

Тик не улыбнулся. Серебряные зубы у него сегодня казались тусклыми.

— После таких меток люди либо прячутся, либо идут к жрецам Мнемарха. Ты пришёл на работу.

— Потому что жрецы не платят аренду.

— Это был знак абсолютного уровня, Эмир.

Он резко поднял глаза.

— Не называй меня так в кабинах.

— Твоё имя вчера сама игра вывела на служебном слое. Не я её учил.

— Значит, сегодня она будет молчать.

Тик хотел ответить, но дверь приватного сектора открылась. Внутрь вошла женщина из Срединных Колец: короткое пальто цвета тёплого стекла, гладкая кожа, ровная спина. За ней шёл охранный дрон в режиме ручной тени.

— Мне нужен проводник Кай.

Эмир развёл руками.

— Здесь все кому-то нужны. А вы кто?

— Лерра Вант. У меня мало времени.

— У всех мало. У богатых это называется графиком.

Она не отреагировала. Поднесла к пульту допуск, и терминал Тика на секунду замер: на таком доступе можно было купить не только игру, но и молчание соседнего квартала.

— Моему брату через двадцать минут поставят отрицательный исход. Сердечный коллапс в медицинской капсуле. Мне нужен закрытый уровень.

— Медицинская смерть? Это дорого и мерзко. У капсул много защиты.

— Я заплачу.

— Деньги я заметил. Брата как зовут?

— Арен Вант. Тридцать семь лет. Биоконструктор водного сектора. Он не должен умереть.

— Никто не должен, пока не приходит счёт.

Лерра подошла ближе.

— Мне сказали, вы циник, а не идиот. Не тратьте мои минуты.

Эмир усмехнулся. Но пальцы у неё дрожали. Страх смерти был одинаковым у бедных и у тех, кто пах частными клиниками. Различалась только упаковка.

— Ложитесь в третью капсулу. Дрон оставите снаружи.

— Он мой свидетель.

— Здесь свидетели плохо заканчивают. Тик, оформи ей согласие.

— На кого счёт?

— На семейный контур Вант.

— Красиво. Семейный контур спасает семейный контур. Поэма.

Лерра легла в капсулу, не сняв пальто. Фиксаторы сами нашли шею и виски. Эмир заметил, как она задержала дыхание, когда холодный обод коснулся кожи. В такие секунды все становились одинаковыми: богатые, бедные, лояльные, проклятые. Все пытались не показать, что тело знает правду раньше слов.

— Правила коротко. Я веду. Вы слушаете. Если игра предлагает лёгкое чудо, спрашиваете цену. Если видите брата, не бросаетесь к нему. Если слышите детский голос, особенно не верите.

— Почему детский?

— Потому что взрослые покупают смерть быстрее, когда думают, что спасают ребёнка.

Лерра посмотрела на него будто он сказал непристойность.

— Вы наслаждаетесь этим?

— Нет. Я беру комиссию. Это честнее.

Крышка закрылась. Эмир надел обруч, спрятав правую ладонь под рукавом. Знак под кожей нагрелся до подключения. Пульт мигнул, и чёрная река открылась без приглашения.

На этот раз «Слепая переправа» не притворялась праздником. Аватар Лерры появился на берегу в том же пальто, но ткань сразу намокла и прилипла к телу.

— Где Арен?

— Дальше. Сначала река проверит, что ты готова потерять.

— Я готова платить.

— Здесь это не всегда одно и то же.

Плиты вспыхнули под ногами: 9, 17, 33, 58. Лерра пошла по самой низкой вероятности боли, и Эмир не остановил её. Первая ловушка не убивала, только снимала самомнение. Арен Вант лежал спокойно, грудь поднималась с неправильной задержкой. На стенке капсулы бежал медицинский таймер.

Лерра бросилась к нему, но Эмир перехватил маршрут и ударил по пульту проводника. Перед ней поднялась стеклянная перегородка.

— Я сказал: не бросаться.

— Он умирает!

— Образ умирает. Настоящий пока ждёт, какую глупость ты сделаешь.

Она ударила по перегородке кулаком. В реальной капсуле её пальцы дёрнулись в фиксаторах.

— Открой.

— Сначала назови ложь.

— Что?

— Игра любит входные платежи. Ты сказала, он не должен умереть. Почему?

— Он мой брат.

— Слабый ответ.

Река поднялась. В воде появились медицинские маски. Они раскрывались, как рты.

— Он держит патент. Если он умрёт, семейный контур потеряет водный контракт.

— Вот. Теплее.

— Я люблю его.

— Возможно. Но пришла ты не только за любовью.

Перегородка растаяла. Аватар Лерры шагнул дальше. На пульте вспыхнул первый ручной ход. Цена скрыта.

Тик присвистнул.

— Быстро дала правду. Умная.

— Умные хуже. Они думают, что понимают сделку.

На втором мосту игра стала мягче. Появился коридор медицинского центра, запах чистого белья, голос мальчика из-за поворота.

— Тётя Лерра?

Она остановилась.

— У Арена нет детей.

— Это не его ребёнок.

— Тем более иди дальше.

Из-за поворота вышел мальчик лет восьми в школьной куртке, с пластырем на щеке. Он держал в руках игрушечную капсулу и смотрел прямо на неё.

— Вы можете помочь? Я заблудился.

Лерра застыла. Эмир увидел, как меняется её дыхание. Или потеря, которую семейный контур вычистил из открытых записей.

— Это ловушка.

— Он настоящий?

— В игре всё достаточно настоящее, чтобы потом снилось.

— Что будет, если я пройду мимо?

— Узнаем, насколько ты хочешь спасти брата.

Мальчик протянул руку. На его запястье вспыхнул школьный идентификатор: «Нико Сель. Нижний образовательный сектор». Не симуляционное имя. Настоящее. Эмир почувствовал, как знакомый холод проходит под рёбрами.

Лерра посмотрела на цифры над мостом. Там появилось предложение: «Перенос ущерба. Вероятность спасения Арена Ванта — 72 процента. Вероятность летального исхода у компенсационного носителя — 43 процента. Подтвердить?»

— Это ребёнок.

— Да.

— Почему ребёнок?

— Потому что у реки нет вкуса. Только расчёт.

— Есть другой путь?

Эмир быстро просмотрел ветви. Были. Все хуже: три случайных смерти, частичная остановка памяти у самой Лерры, провал с возвращением исхода к Арену. И один путь, закрытый чёрным кругом, таким же, как у него на ладони. Он не тронул его.

— Есть дороже.

— Для кого?

— Для тебя.

Лерра смотрела на мальчика. В реальности таймер Арена уходил вниз. Эмир видел медицинский прогноз на краю интерфейса: до коллапса девять минут.

— Скажи мне, что это только игровая модель, — попросила она.

— Не скажу.

— Но ты же проводишь людей через это каждый день.

— Я провожу через правила. Не я их придумал.

Фраза прозвучала знакомо. Он сам слышал её от себя десятки раз и всегда считал удобной. Сейчас она почему-то отдала металлом, как плохая монета.

Мальчик сделал шаг к Лерре.

— Тётя, мне холодно.

Лерра закрыла глаза.

— Подтвердить.

Эмир резко повернулся к пульту.

— Ты уверена?

— Нет.

— Тогда не жми.

— Если Арен умрёт, мой отец уничтожит весь мой контур. Моих людей, моих детей, всех, кто зависит от контракта. Ты думаешь, я выбираю между братом и мальчиком? Я выбираю, кого система считает дешевле.

— Очень взрослая формулировка.

— Проводи.

Эмир мог сорвать сессию. Технически мог. Он даже поднял руку к сбросу, но на ладони вспыхнул чёрный знак, и пульт показал строку: «ВМЕШАТЕЛЬСТВО ПРОВОДНИКА УЧТЕНО КАК СТАВКА».

Он убрал руку.

— Тогда делай сама.

Лерра коснулась светового подтверждения. Мост под мальчиком стал белым. Он не закричал. Потом его фигура рассыпалась на медицинские показатели.

В реальном канале Арена Ванта сердце вошло в нормальный ритм. Прогноз коллапса исчез. На соседнем слое вспыхнуло новое событие: «Нико Сель. Острый сосудистый разрыв. Образовательный сектор. Санитарная группа направлена».

Лерра села на мокрый мост. Её аватар дрожал.

— Он выживет?

— Брат — да.

— Я про мальчика.

Эмир молчал. На экране рядом с именем Нико Селя процент выживания падал быстро, красиво: 31, 24, 18, 11.

— Скажи, что можно отменить.

— Можно. За новую цену.

Лерра подняла на него глаза. В них не было высокомерия, только пустота человека, которому слишком поздно объяснили правила.

— Какую?

На интерфейсе возникла новая ветвь: «Возврат ущерба к исходному носителю: Арен Вант. Подтвердить?»

Она смотрела на строку долго. Потом отвернулась.

— Нет.

Эмир кивнул. Не ей — самому себе. Так было всегда. Он всего лишь стоял рядом и переводил правила на человеческий язык.

Над рекой появилась строка:

«БАЛАНС ВОССТАНОВЛЕН».

Крышка капсулы открылась. Лерра не сразу сняла фиксаторы. Её лицо осталось сухим; богатые редко плакали там, где потом могли продать запись их слабости.

— Брат?

Тик проверил медицинский канал.

— Стабилен. Ваш семейный контур оформляет благодарность клинике.

— А мальчик?

— Нижний образовательный сектор. Санитарная группа прибыла.

— Он умер?

Тик посмотрел на него, но Эмир не отвернулся.

— Скоро оформят как врождённый дефект. Может, семье дадут расширение кухни или бесплатный фильтр сна.

Лерра встала. На коже остался красный след.

— Вы чудовище.

— Я? Вы только что подтвердили ставку.

— Вы знали, как меня довести до неё.

— Я знал, как не врать.

Она ударила его по лицу. В отличие от Дариана, точно и сильно. Эмир почувствовал кровь во рту и уважение к технике. Видимо, в Срединных Кольцах самооборону преподавали лучше этики.

— Доплата.

Лерра рассмеялась коротко, безумно, но жетон всё-таки достала. Бросила на пульт.

— Надеюсь, однажды эта игра назовёт вашу цену.

— Пыталась.

Она ушла, не взяв пальто с подогревом. Дрон тенью скользнул за ней. Тик дождался, пока дверь закроется, и повернулся к Эмиру.

— Ты сегодня сорвал сессию.

— Почти не считается.

— В нашем деле почти иногда стоит дороже, чем да.

— Запиши себе на стену.

Тик перевёл оплату, но не стал шутить про прибыль. Это было на него не похоже.

— Ребёнка звали Нико Сель.

— Я видел.

— Не забывай.

— Ты говорил.

— Значит, повторю. Ты крупье, не судья. Стол не виноват, что игроки ставят чужие жизни.

Эмир снял обруч и вытер контакты. В голове стояло лицо мальчика. Не крик, не кровь, не эффектная смерть — только удивление.

— Стол берёт процент.

— И что?

— Ничего. Красивая фраза.

Он вышел в коридор чёрного рынка. Соты шумели, торговались, смеялись. Две женщины выбирали поддельные лица для свидания с одним и тем же чиновником. Где-то в глубине рекламный голос обещал: «Слепая переправа — научись доверять случаю».

Эмир остановился у автомата с горькой водой. Ладонь загорелась. Не интерфейсная строка на экране, не проекция, а чёрный текст под кожей.

«ЭМИР КАЙ».

Он застыл. Настоящее имя он не вводил в «Слепую переправу». Даже Тик не произносил его имя при клиентах.

Буквы распались и собрались снова:

«ПРОВОДНИК РАСПОЗНАН».

Эмир сжал кулак, но текст проступил сквозь пальцы чёрным свечением. Автомат перед ним включился сам. Вместо меню воды на мутном стекле появилась река. На берегу стоял мальчик в школьной куртке, без пластыря на щеке. Он не обвинял. Смотрел.

— Отвали.

Река не исчезла.

На экране возникла строка: «ЛИЧНЫЙ МАРКЕР АКТИВЕН. СЛЕДУЮЩАЯ СТАВКА БУДЕТ ПРИНЯТА БЕЗ ПОСРЕДНИКОВ».

Тик окликнул его из дверей:

— Кай?

Эмир резко повернулся.

— Что?

Тик замолчал. Наверное, увидел лицо. Наверное, впервые понял, что шутить сейчас не надо.

Эмир сунул ладонь в карман и пошёл обратно к кабинам. Вместо этого он проверил расписание следующих клиентов. Работа была лучше совести: у неё были слоты, тарифы и понятный конец смены.

За спиной автомат с водой снова стал обычным. Река исчезла. Но в кармане ладонь продолжала гореть, и чёрные буквы под кожей не давали забыть главное: игра уже не считала его крупье. Она записала его в стол.

Глава 6. Ликвидаторша

Инга Хольм проснулась за минуту до сигнала и не дала дому удовольствия будить её. В Стеклянном Верхе утро включалось постепенно: прозрачнели стены, за куполом проступал искусственный рассвет. Для большинства жителей это называлось заботой. Инга называла это помехой.

Она встала в полутемноте и босиком прошла к тренировочному модулю. На стене открылся сухой список: пульс, давление, суставы, сон, реакция на стресс. Все показатели были в зелёной зоне, кроме правого плеча модуля. Инга всё равно сломала манекену кисть: именно она держала оружие.

Она начала с ударов. Не ради злости; злость мешала. Модуль менял углы атаки. Инга работала по суставам, горлу, коленям, точкам выключения имплантов. Не красиво. Надёжно.

После тренировки она проверила оружие: пистолет без отдачи, два игольчатых подавителя, наручный резак, капсула аварийной остановки сердца. Последнюю она носила не для врагов: оперативник не должен был становиться источником данных.

На зеркале появилась строка: «Доброе утро, старший ликвидатор Хольм. Сегодня вероятность гражданских возмущений после Ночи счёта снижена на 6,4 процента».

— Сводку позже.

— Подтвердите готовность к службе.

— Готова.

— Эмоциональный фон: стабилен.

— Я не спрашивала.

Дом замолчал. Инга считала это главным недостатком городских ассистентов: их учили имитировать человечность там, где требовалась точность.

В службе безопасности Стеклянного Верха не пахло потом, кровью или страхом. Там пахло стеклом и стерильным металлом. На оперативном уровне аналитики собирали карту ночных отклонений: белые метки, семейные реакции, попытки апелляций и один неудачный взлом архивной карточки.

Инга остановилась у последней строки.

«Архив Благой Памяти. Карточка Калдин Р. Т. Ручная коррекция. Исполнитель: Левит Яра Ильевна. Формулировка отклоняется от рекомендованной».

Она открыла фрагмент. Ничего кричащего: не манифест, не вынос данных, не отказ от протокола. Всего одна фраза: «Семейная реакция не стабилизирована». Для Инги — как первый неверный шаг человека, который оставляет след.

— Хольм, вас ждут, — сказал младший оперативник у входа в зал докладов.

Его звали Сав Ренке. Двадцать четыре года, сильная спина, быстрый взгляд. Он ещё считал, что служба безопасности — это охота на врагов. Инга не исправляла молодых словами.

— Кто?

— Матриарх.

Зал докладов висел над городом как прозрачная рана. Под ногами лежал Витрокласт-17: Срединные Кольца, транспортные дуги, сады на крышах, белые линии медицинских маршрутов. Низовые Соты казались тёмными провалами под аккуратной геометрией.

Матриарх Вельт стояла у стекла. Тёмный костюм, гладкие волосы, узкая пластина Совета у запястья. Она выглядела не молодой и не старой, а сохранённой.

— Старший ликвидатор Хольм. Как прошла Ночь счёта?

— В пределах прогноза. Открытых бунтов нет. Локальные сопротивления подавлены санитарными группами.

— Вы говорите «подавлены» будто речь о пожаре.

— Часто это и есть пожар. Только внутри людей.

Вельт повернулась. Её спокойствие не было мягким; оно давило точностью.

— Хороший ответ. Не совсем человеческий, но полезный.

Инга промолчала.

Вельт провела пальцем по воздуху, и перед ними открылась карточка Яры Левит: архивное лицо, показатели лояльности, служебная история, мать — Ильмира Левит, статус «добровольный выход из городского контура».

— Что вы видите?

— Архивистка. Тридцать четыре года. Высокая точность работы, низкая социальная демонстративность, устойчивая профессиональная маска. После Ночи счёта отклонилась от рекомендованной формулировки.

— Не это.

Инга посмотрела внимательнее. Мелкие изменения профиля: повышение ночной активности, отказ от домашнего сна, посещение Низовых Сот, пересечение с нижним рынком, краткая потеря трека у холодильных блоков. Потом восстановление маршрута, покупка капсулы воспоминаний, возвращение в Срединные Кольца.

— Она встретила с кем-то вне камер.

— Предположительно.

— Кто?

— Пока не знаю.

— Узнаете.

Инга перевела взгляд на Вельт.

— Разрешение на задержание?

— Нет.

Ответ был быстрым. Значит, решение приняли заранее.

— Если она несёт закрытый маркер, промедление повышает риск утечки.

— Архивисты опаснее мятежников не тогда, когда бегут. Тогда их легко поймать. Они опасны, когда продолжают работать и видят, какие слова держат город.

— Тогда надо изолировать её тихо.

— Вы мыслите как хирург. Но иногда опухоль полезнее не вырезать сразу, а посмотреть, куда ведут сосуды.

На стекле вспыхнули связи: Калдин, закрытая видеокапсула, нижний рынок, неизвестный контакт. Одна ветвь была затемнена машинным отказом.

— Мнемарх не даёт полного раскрытия?

— Мнемарх считает раннее вмешательство неэффективным.

— А Совет?

— Совет считает, что Мнемарх часто прав.

В этой фразе не было сомнения. Только осторожность человека, который знал: верить машине полностью опасно, но спорить без причины глупо.

— Задача?

— Наблюдение. Контактную сеть Левит раскрыть, но саму её не трогать до сигнала. Не пугать и не провоцировать уход в подполье.

— Если она начнёт публикацию?

— Заблокируете канал, не объект.

Инга кивнула.

— Я возьму двух наблюдателей и один нижний контур.

— Возьмёте Саву Ренке. Ему полезно увидеть, что порядок держится не только выстрелом.

Сав ждал за дверью и сделал вид, что не пытался читать губы через стекло. Они спустились на оперативный уровень.

— Цель?

— Архивистка.

— Опасность?

— Пока неизвестная.

— Вооружена?

— Доступом.

Он посмотрел на неё, решая, шутка это или нет.

— Доступом к чему?

— К памяти. Это хуже оружия, если человек перестаёт верить инструкции.

Они вошли в наблюдательную. На центральном экране была Яра: лифт, вертикальный рынок, лоток с воспоминаниями. Инга смотрела не на лицо, а на ритм. Яра двигалась как человек, который учился быть незаметным по книгам: не спешила, но точно выбирала паузы.

— Вот потеря трека, — сказал аналитик. — Сервисный проход у холодильных блоков. Семь минут сорок две секунды.

— Кто входил рядом?

— Два нижних наблюдателя, наши подрядчики. Они потеряли её и неизвестного мужчину.

— Неизвестного?

— Тепловая картина сбита холодовым выбросом. Лицо не восстановлено.

Инга остановила кадр. На мутном изображении было только движение: чужая рука хватается Яру за локоть и втягивает в щель. Грубо, быстро, без лишней силы. Человек знал камеры и не боялся физического контакта.

— Он не похищал. Выводил.

— Почему?

— Потому что не ударил по шее и не забрал носитель.

Сав посмотрел на неё.

— Носитель?

— Она что-то несла. Рука всё время в правом кармане.

Аналитик увеличил кадр. Яра действительно держала пальцы напряжённо, будто сжимала тонкий предмет.

— Разрешите запросить санитарную проверку домашнего контура? Пока без входа.

— Нет.

— Домашний контур можно проверить без следа.

Инга повернулась к нему.

— Нельзя. Можно только оставить след, который Левит найдёт не сразу. Нам не нужно, чтобы она испугалась. Нам нужно, чтобы она повторила маршрут.

К вечеру Яра вышла из архива, без служебного браслета. Инга наблюдала с верхнего канала, Сав сидел рядом за младшим пультом. Нижние камеры собирали маршрут: транспорт, пересадка, рынок. Яра купила дешёвую капсулу «три минуты моря без купола». Дымовая покупка, простая и подходящая для прикрытия.

— Берём? — спросил Сав, когда Яра задержалась у лифта.

— Нет.

— Она контактировала с неизвестным. У неё может быть закрытый фрагмент.

— Поэтому нет.

На экране Яра подняла голову, будто почувствовала взгляд. Не к камере, а в сторону отражающей панели. Инга отметила это молча. Архивистка быстро училась.

— Хвост сохранить. Но дистанцию увеличить. Нижних подрядчиков убрать, они сожгли себя.

— Кого поставить?

— Пассивный транспортный контур и одну живую тень. Без контакта.

Сав передал распоряжение, потом не выдержал:

— Разрешите вопрос?

— Один.

— Почему из-за одной архивистки доклад Матриарху? Если она виновна, её можно закрыть. Если нет — проверить и отпустить.

Инга смотрела, как Яра входит в транспортный лифт. Двери закрылись.

— Потому что виновность — поздняя стадия. Нас интересует момент до неё.

— До преступления?

— До выбора.

Сав замолчал. На его лице было сопротивление. Инга когда-то тоже хотела такого мира. Потом увидела квартиры после взрывов, детей с выжженными портами, бунты в нижних секторах. Мнемарх не сделал город добрым. Он сделал его живым.

— Два процента, — сказал Сав вдруг. — Вы правда считаете это нормой?

Вопрос был опасен не содержанием, а тоном. Молодые проверяли старших, когда начинали бояться своей службы.

Инга выключила звук внешних каналов.

— Я считаю это меньшим числом.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который имеет значение для города.

— Но если система ошибается?

— Система ошибается. Люди ошибаются чаще.

Сав отвернулся к экрану.

— Моя мать боялась Ночи счёта каждую зиму. Даже когда у неё был высокий индекс полезности. Говорила, что белая метка снится ей на потолке.

— Она жива?

— Да.

— Значит, страх был ценой, а не итогом.

Он резко посмотрел на неё.

— Вы так говорите, будто страх — налог.

— Он и есть налог. Как боль после прививки. Город платит страхом меньшинства и получает жизнь большинства.

— А те, кого забирают?

Инга вспомнила санитарные коридоры после мятежа водного узла, где до Мнемарха погибло бы несколько тысяч, а после коррекции — сто двадцать семь. Числа не утешали семьи. Но семьи не удерживали город.

— Если плотина треснет, вода не спросит, кто хороший. Она снесёт всех. Два процента — это не вера в смерть. Это признание, что плотину надо чинить до прорыва.

— Людьми?

— А чем строится город?

Сав не ответил. Инга не стала смягчать. Красивая совесть плохо работала там, где надо решить, стрелять ли в человека, который не нажал кнопку, но несёт взрыватель.

На экране Яра вышла в своём жилом секторе. Она не пошла сразу домой: остановилась у автомата, купила пустой стакан и выбросила его, не отпив. Проверка хвоста. Потом вошла в подъезд.

— Она нас ищет.

— Нет. Она ищет подтверждение, что её ищут.

— Разница?

— Огромная. Первое — навык. Второе — страх.

Инга открыла личный контур и ввела пометку: «Объект Левит сохраняет самообладание, проявляет начальные признаки полевой адаптации. Контакт неизвестного мужчины считать приоритетным. Задержание преждевременно».

Система предложила дополнение: «Вероятность перехода объекта к нелояльной активности — 38 процентов». Инга удалила строку из видимого отчёта. Цифры часто начинали думать вместо людей, если им давали слишком красивое место в документе.

Через минуту пришёл ответ от Вельт: «Наблюдение продолжить. До сигнала не трогать».

Сав прочитал сообщение и выдохнул.

— Значит, ждём.

— Не ждём. Смотрим.

— А если она исчезнет?

— Тогда ты поймёшь, зачем я сказала увеличить дистанцию.

Инга встала. Смена ещё не закончилась, но работа перешла в тихий режим. Важные охоты редко начинались с погони. Обычно человек, уверенный в осторожности, сам делал второй шаг тем же маршрутом.

У выхода Сав спросил:

— Старший ликвидатор, а вы лично её возьмёте, если придёт сигнал?

Инга остановилась.

— Да.

— Даже если она ищет мать?

— Особенно если она ищет мать.

Он не понял. Это было видно по лицу. Инга могла объяснить: человек, который ищет не власть, а родное имя, опаснее наёмника. Его труднее купить и невозможно напугать. Но объяснение сделало бы мысль мягче, а мягкость искажала приказ.

Она вышла в стеклянный коридор. Внизу Витрокласт сиял ровно и спокойно, как хорошо закрытая рана. Где-то под этим светом Яра Левит возвращалась домой с чужим морем в кармане. Где-то дышал человек с горящим имплантом, которого камеры пока не нашли.

Инга положила ладонь на стекло и посмотрела на город без раздражения и без любви. Её учили защищать не счастье и не справедливость. Она защищала порядок — единственное, что удерживало людей от падения друг на друга.

На внутреннем канале мигнуло новое распоряжение: «Объект Левит. Приоритет наблюдения повышен. Контакт допускается только после сигнала Совета».

Инга подтвердила приказ. Потом добавила свою короткую пометку для всей группы:

«Не трогать. Не пугать. Не спасать. Вести до источника».

Город за стеклом продолжал светиться, и в этом ровном свете два процента казались не жестокостью, а формой дисциплины. Инга знала: жить с такой арифметикой легче, чем считать мёртвых после хаоса. Она не любила смерть и не украшала её. Если Яра Левит решила найти трещину в этой стене, Инга должна была смотреть, ждать и не касаться цели до сигнала, даже если ожидание окажется самым опасным приказом.

Глава 7. Фраза из мёртвого файла

Яра вошла в домашний модуль с капсулой чужого моря в одной руке и пластиной мёртвого файла в другой. После Низовых Сот эта чистота казалась не покоем, а тщательно вымытой уликой.

— Добрый вечер, Яра Ильевна. Рекомендуются питание, восстановительный душ и сон не менее семи часов. Последние показатели указывают на накопленное напряжение.

— Отложить рекомендации.

— Отложено на сорок минут. Хотите воспроизвести купленное воспоминание?

Яра посмотрела на капсулу. «Три минуты моря без купола» — дешёвая запись, купленная ради прикрытия. В Низовых Сотх продавец завернул её в мутную плёнку и не спросил, зачем архивистке чужой отпуск.

— Позже.

— Семейный контейнер не открывался четыре года семь месяцев и двенадцать дней, — сообщил ассистент. — Подтвердите намерение доступа.

Яра не сразу ответила. Она стояла посреди комнаты, где всё было рассчитано на одного человека: один стол, одно кресло, одна спальная ниша, один комплект посуды в активном пользовании. Дом не спрашивал, почему ей не нужно больше. Он оптимизировал пространство под одиночество.

— Подтверждаю.

Стенная панель возле кухни раскрылась без звука. Из ниши выехал серый контейнер с семейной печатью Левит. После исчезновения матери его опечатали как эмоционально чувствительный архивный объект; спустя годы Яра получила право открыть его, но не сделала этого. Она знала: в Витрокласте вещи редко были вещами.

Крышка запросила ладонь, сетчатку, голос и дыхательный ритм. Последним появился вопрос, установленный матерью.

— Назовите предмет, который нельзя починить без согласия владельца.

Яра помнила этот вопрос с детства. Мать задавала его, когда чинила сломанные игрушки, застёжки, старые семейные записи. Тогда ответ казался игрой.

— Память.

Контейнер открылся.

Внутри лежали шарф с потёртым краем, детская куртка с починенной застёжкой, старая бумажная книга, футляр инструментов архивной совместимости, браслет с отключённым семейным ключом и маленький куб голосовых записей. Ничего опасного. Ничего такого, за что приходят ночью.

Яра взяла шарф. Ткань сохранила слабый запах металла и сухих трав, хотя домашние фильтры должны были давно стереть всё органическое. На внутреннем крае, в шве, она увидела архивную метку. Очень маленькую, без активного сигнала.

Она проверила куртку. Метка. Книгу. Метка. Инструменты. Даже куб голосовых записей был прошит двойной маркировкой: семейной и служебной.

— Дом, когда эти предметы получили архивные метки?

— Информация отсутствует.

— Невозможно. Метки должны иметь журнал установки.

— Журнал недоступен для пользовательского контура.

— Уровень ограничения?

Пауза длилась чуть дольше нормы.

— Закрытый слой.

Яра поставила куб на стол. Вчера эти слова были технической аномалией; теперь они расплзались по её жизни, как плесень под белой краской.

Она достала пластину с кэшем и подключила к домашнему терминалу через старый переходник. Прямое соединение было опасным. Терминал мигнул, распознал устаревший носитель и предложил передать его в технический сектор.

— Локальное чтение. Без сетевого запроса.

— Локальное чтение повреждённых носителей может нарушить безопасность домашнего контура.

— Подтверждаю риск.

Экран погас на секунду и открыл семейный список. Обычные записи были ровными: дни рождения, школьные отчёты, медицинские уведомления, несколько старых видео. Голосовой куб матери висел отдельно, без даты, с пометкой: «частично повреждён».

Яра запустила файл.

Сначала пошёл шум, сухой и зернистый, похожий на песок по стеклу. Потом фрагменты голоса: женский вдох, обрывок смеха, слово «застёжка», детский голос самой Яры — высокий, нетерпеливый.

— Мам, она опять не закрывается.

— Потому что ты дерёшься с вещами, вместо того чтобы понять, где они сопротивляются.

— Это куртка, она не сопротивляется.

— Всё сопротивляется, если его неправильно держать.

Яра закрыла глаза. Голос матери оказался не воспоминанием, а физическим ударом. Не красивым, не торжественным: немного усталым, с сухой насмешкой, живым. Семнадцать лет архивного статуса рассыпались от одного бытового тона.

Файл дёрнулся. Детская кухня исчезла. Вместо неё пошёл другой шум, глубже и темнее. Слова стали просачиваться сквозь помехи, как через воду.

— Яра, если ты слышишь это... значит, они не всё вычистили.

Она резко открыла глаза. Терминал вывел предупреждение: «Нестабильный фрагмент. Рекомендуется остановить воспроизведение».

— Продолжить.

— Файл может содержать эмоционально вредоносный материал.

— Продолжить.

Шум усилился. Голос матери стал ниже, будто запись шла из тесного помещения.

— Не ищи меня через официальный архив. Там всё построено так, чтобы ты находила только разрешённую пустоту. Если они назвали меня вышедшей, значит, им понадобилось, чтобы я не числилась умершей. Не верь тем, кто называет убийство равновесием.

Фраза появлялась на экране в старой кабине, но голос сделал её другой. Тогда это была улика — обвинение. Мать произнесла её не как лозунг, а как инструкцию, которую передают тому, кто может не выжить.

— Мам, — сказала Яра, прежде чем успела остановить себя.

Терминал не ответил. Файл шёл дальше рывками.

— Они начинали не с машин. Запомни это. Сначала были дела, письма, газетные приговоры, доносы, списки неблагонадёжных. Машина только научилась делать то, что люди умели: убивать имя раньше тела. Ищи старый индекс. Не мой. Его. Крамор. Арсений Крамор. Если файл дышит — не открывай его в чистой сети.

Звук оборвался. Экран стал белым.

Яра сидела неподвижно. Она заставила себя проверить запись ещё раз. Файл открыл детский фрагмент, шум, фразу о равновесии, имя: Арсений Крамор. На третьем повторе терминал выдал отказ.

— Доступ к повреждённому фрагменту ограничен. Материал направлен на стабилизацию.

Яра выдернула переходник до завершения команды. Дом включил мягкий предупреждающий свет.

— Резкое отключение может повредить семейный архив.

— Семейный архив повреждён.

— Запрос не распознан.

— Я знаю.

Она перенесла куб, книгу и инструментальный футляр на стол. Метки на предметах казались маленькими запёртыми глазами. Если мать оставила сообщение здесь, значит, знала, что Яра однажды откроет контейнер. Не ребёнок. Не студентка. Архивистка, достаточно обученная, чтобы увидеть технический след.

Яра запустила ручной скан меток. Дом запросил служебное основание. Она ввела код посмертной коррекции, привязанный к старому делу Калдина, и замерла. Код мог связать домашнюю активность с её последней правкой, но без служебного основания метки не раскрылись.

Сканер нашёл три слоя. Первый — семейный. Второй — архивный. Только старый индекс: «POL-HIST/KR-17».

Яра перенесла индекс в локальный поиск Архива Благой Памяти. Без сети доступ был невозможен. С сетью — опасен. Такие запросы делали десятки архивистов каждый день. Главное — не задерживаться долго на одном имени.

На экране появилось рабочее окно архива. Дом приглушил свет, помогая глазам, и этим разозлил её.

— Не менять освещение.

— Подтверждено.

Она ввела индекс не полностью. Сначала «POL-HIST». Потом «KR». Список сузился. Потом «17». На экране осталось двенадцать записей, большинство закрытых. Одна мигала серым: «Крамор А. С. Сводная карточка обвинительного массива. Статус: фрагментарно повреждён».

Яра открыла карточку.

Появился портрет мужчины в старом формате: узкое лицо, высокий лоб, прямой взгляд, борода, снятая небрежно, словно фотографу не дали времени на второй кадр. Под портретом шли строки, противоречившие друг другу.

«Арсений Степанович Крамор. Публицист. Эмигрантский организатор. Обвинения: шпионаж, подрывная деятельность, кощунство, агитация окраинного сепаратизма, связь с иностранными центрами влияния. Альтернативная пометка: идеолог степной автономии, редактор вольных листков, объект газетной кампании».

Яра прокрутила ниже. Часть текста была стёрта, но стёрта плохо: архивная лакуна оставила края. Она видела такие следы в чужих биографиях после Ночи счёта. Кто-то удалял не только данные, но и смысловые связи, чтобы будущий читатель не мог восстановить логику.

Открылся газетный фрагмент:

«Крамор, называющий себя защитником свободы, по сути является агентом распада, торговцем чужими границами и врагом порядка. Его степная идея есть не политическая мысль, а ширма для измены».

Следом — другой документ, частный, с повреждённой подписью:

«Прежде чем убить человека, они учатся произносить его имя с отвращением».

Яра остановила прокрутку. Убить имя раньше тела. Газетная кампания. Обвинительный массив. Старые списки, из которых потом могла вырасти новая математика.

На панели связи вспыхнул вызов Ная Стен. Яра вздрогнула, но приняла: отказ в такое время выглядел бы хуже.

— Ты дома? — спросила Ная без приветствия.

— Да.

— У тебя странный домашний трафик. Не спрашивай, откуда знаю.

— Тогда не буду.

— Яра, ты полезла в исторический слой?

— Мне нужно проверить старую семейную метку.

— Нет, тебе нужно дожить до утра. Исторический слой после Ночи счёта мониторят не меньше, чем живые карточки.

— Почему?

Ная помолчала. На её стороне слышался шум архивной столовой или имитация шума, поставленная для прикрытия.

— Потому что после каждой Ночи кто-нибудь начинает думать, что это было. Дела, списки, враги, санитарные формулы. Система не любит исторических сравнений. Они портят благодарность.

— Ты знаешь имя Крамор?

Пауза стала другой.

— Закрой окно.

— Ная.

— Я сказала: закрой окно, если оно открыто через домашний контур.

— Ты знаешь.

— Я знаю, что это имя нельзя произносить в пользовательском канале. Особенно тебе.

— Почему особенно мне?

— Потому что твоя мать работала с ранними архивными связями. И потому что ты сегодня спрашиваешь так, как спрашивают люди, которые увидели достаточно, чтобы не остановиться.

Яра посмотрела на портрет Крамора.

— Что с ним произошло?

— Официально? Ничего, что тебе поможет. Неофициально — его дело стало образцом. Как разрушить человека до приговора, как смешать правду, ложь и страх так, чтобы потом любая система могла назвать это риском.

— Образцом для чего?

— Яра, я не буду говорить это в канале.

На экране Крамора внезапно пробежала помеха. Его портрет на миг повернул глаза к Яре. Не движение, конечно. Сбой от повреждённого файла, наложение пикселей. Она хорошо знала такие объяснения.

— Мне нужно скопировать фрагмент.

— Не делай этого.

— Поздно.

— Нет. Поздно — это когда ты не просто смотришь, а выносишь. До этого можно сказать, что ошиблась запросом.

— Я не ошиблась.

Ная тихо выругалась.

— Тогда слушай. Не копируй на служебный носитель. Не копируй в домашний кэш. Не шифруй стандартом архива. Нужен грязный носитель, неумный, без автоисправления. У тебя есть?

Яра достала из внутреннего кармана тонкую пластину. Одна сторона была почти пустой. Другая несла материнский след.

— Есть.

— Скопируй не карточку, а ошибку вокруг неё. Понимаешь? Не текст, а место, где текст был повреждён. В лакунах иногда больше правды, чем в строках.

— Ты сейчас помогаешь мне совершить служебное преступление.

— Нет. Я сейчас делаю вид, что разговор оборвался.

Связь погасла.

Яра осталась перед портретом Крамора. Она вставила грязный носитель в старый переходник, отключила автоформатирование и выбрала не функцию копирования, а аварийный снимок повреждённого слоя. Так же можно было вынести то, что не следовало выносить.

Система запросила основание.

Она ввела: «Семейная коррекция. Проверка исторического совпадения».

Система приняла ложь.

На экране вспыхнул прогресс: 4 процента, 11, 19. Потом остановка. Предупреждение: «Материал содержит политически чувствительные паттерны. Требуется подтверждение старшего архивиста».

Яра открыла инструментальный футляр матери. Среди микрозондов лежала тонкая пластина с ручной гравировкой. Не технология Витрокласта, простая. На ней было выцарапано: «не спрашивай разрешения у двери, если дверь построили против тебя».

Она вставила пластину между портом и носителем. Терминал мигнул. Запрос старшего архивиста свернулся в техническую ошибку. Копирование продолжилось.

Снимок слоя завершился на 97 процентах, последние три система выжгла сама. Носитель нагрелся так, что Яра сняла его через край шарфа. Этого хватало. Фрагмент существовал вне архива.

Тогда домашний ассистент произнёс:

— Зафиксировано нештатное копирование служебного материала. Рекомендуется передать носитель в архивный сектор безопасности.

Яра медленно подняла голову.

— Отменить рекомендацию.

— Рекомендация не может быть отменена пользователем.

— Отложить.

— Отложено на десять минут.

Значит, у неё было меньше десяти. Возможно, намного меньше.

Она вытащила носитель, спрятала его в шов шарфа и вернула предметы матери в контейнер, но не закрыла его полностью. Не реликвиями, а частью маршрута.

На экране висела карточка Крамора. Внизу, под стёртыми газетными фрагментами, после копирования проявилась строка, которой раньше не было:

«Связанные лица: Вера Крамор. Открытое письмо. Индекс заблокирован».

Яра запомнила. Записать не рискнула.

В дверь тихо постучали.

Дом не объявил посетителя. Это было хуже звонка.

Яра выключила терминал, сунула материнскую отмычку в рукав и подошла к панели обзора. В панели появилось испуганное лицо соседки; руки были прижаты к груди.

— Яра? Простите. У меня опять сбой фильтра. Можно ваш резервный ключ на минуту?

Обычная просьба. Нарочито обычная.

Яра открыла дверь на цепочку.

— Сейчас поздно.

— Я знаю. Простите, я бы не пришла.

За спиной соседки, в отражении полированной стены, Яра увидела тень на лестничном пролёте. Неподвижную. Не жильца. Не курьера.

Яра закрыла дверь, взяла из кухонного ящика резервный фильтр и вернулась. Носитель в шве шарфа царапал шею через ткань.

— Держите. Ключ не нужен.

Соседка взяла фильтр быстро.

— Спасибо. Вы очень добры.

— Нет. Не хочу, чтобы вы стучали.

Женщина моргнула, не поняв, оскорбили её или спасли от разговора. Потом ушла. Тень в отражении тоже исчезла.

Яра закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Дом сообщил, что до обязательной рекомендации передачи носителя осталось семь минут.

— Дом, включить душ. Горячий. Максимальный пар.

— Рекомендованная температура ниже.

— Максимальный пар.

В ванной поднялось плотное облако. Яра вошла туда в одежде, закрыла дверь и под шум воды вскрыла вентиляционную решётку. Носитель был маленьким, но не настолько, чтобы оставить его дома.

Когда она вышла, дом снова заговорил:

— Рекомендуется передать повреждённый носитель в архивный сектор безопасности.

— Носитель отсутствует.

Пауза.

— Подтвердить невозможно.

— Тогда не подтверждай.

Яра выключила свет вручную. Крышку контейнера закрыть она так и не смогла. Не потому что боялась потерять доступ, а потому что впервые за семнадцать лет контейнер перестал быть могилой.

Он стал началом дороги.

На внутреннем экране, забытом в режиме ожидания, мелькнуло последнее остаточное изображение карточки: Арсений Крамор, старый портрет, обвинения в шпионаже, газетная травля, индекс открытого письма. Фраза матери уже не звучала как просьба помнить её. Она стала инструкцией: идти не к телу, а к тому механизму, который сначала убивает имя, потом человека, потом саму возможность спросить, кто подписал приговор.

Яра взяла сумку с фильтром, проверила дверь и остановилась перед выходом. У неё был вынесенный фрагмент закрытого политического дела. Она не просто искала мать. Она украла у архива то, что архив считал своим правом скрывать.

Дом пожелал ей спокойной ночи, когда она вышла в коридор. Яра не ответила. Внизу, за стенами жилого сектора, город продолжал светиться безупречно и ровно, но где-то в этом свете существовало имя Арсения Крамора — старое, испорченное, обложенное обвинениями имя, к которому мёртвый файл матери вывел её не как к воспоминанию, а как к следующей двери.

Глава 8. Два процента

Яра заметила слежку на третьей пересадке, когда город попытался помочь ей вовремя. Кольцевая линия вела себя безупречно: двери открывались перед ней без задержки, поток пассажиров расходился удобным коридором, рекламные панели гасили лишний свет, чтобы не бить по глазам после ночи. Всё было мягко, точно и заботливо.

За стеклянной стеной мимо шли люди, которые спешили на работу, к врачам, к детям, к чужим утрам. Никто не смотрел на неё дольше положенного. Только мальчик-курьер с оранжевым коробом второй раз оказался рядом после смены платформы. Только сервисный дрон, предназначенный для уборки пола, задержал линзу на её правом кармане.

В кармане лежал фильтр с носителем. В носителе — повреждённый слой дела Крамора, строка об открытом письме Веры и след материнской отмычки.

На стекле платформы вспыхнула реклама: «Доверяйте маршруту. Мнемарх выбирает оптимальный путь». Яра отвернулась.

Внутренний канал браслета молчал. После разговора с Рэем эта мысль перестала быть тревожной метафорой и стала техническим фактом.

Капсула грузовой линии подошла без пассажиров. Яра шагнула внутрь, но двери не закрылись. На панели появилось вежливое уведомление: «Маршрут временно уточняется. Ожидайте». Она не ждала. Вышла за мгновение до того, как в соседний вход вошла женщина в светлом плаще.

— Яра, вниз, — сказал голос у неё в ухе.

Она не вздрогнула только потому что за последние дни страх стал частью координации.

— Рэй?

— Нет, городская справочная. Конечно, я. Не оглядывайся. Левый сервисный проход. Через три шага.

— Ты взломал мой канал?

— Твой канал взломан всеми, кому не лень. Я пришёл первым. Иди.

Яра свернула у автоматов с водой. За ней сдвинулся поток. Сервисный проход открылся сам, будто приглашая персонал.

— Почему дверь открыта?

— Потому что я попросил грубо.

Она вошла в узкий коридор за стеной станции. Дверь закрылась, шум платформы стал глухим. На полу дрожали трубы, перегоняя тёплый воздух между линиями. В конце коридора стоял Рэй Сармат. Лицо бледное, воротник поднят, под кожей у ключицы горела неровная красная линия.

— Ты привела не хвост. Ты привела маленький парад.

— Я ушла из дома после стука в дверь. Там была соседка и тень на лестнице.

— Поздравляю. Соседки иногда опаснее ликвидаторов: первые правда думают, что просят фильтр.

— Кто за мной?

— Нижний подряд сняли. Тебя ведут аккуратно. Значит, наверху стало интересно.

Он протянул руку.

— Носитель.

— Сначала скажи, откуда знаешь, что я вынесла.

— После копирования твой профиль изменился. Не только поведение. Дом зафиксировал нештатное чтение, архив увидел исторический индекс, транспорт начал подстраивать маршрут. Люди ещё решают, что с тобой делать, но Мнемарх пересчитал тебя.

— В какую сторону?

— В сторону ненужных сюрпризов.

Яра отдала ему фильтр. Рэй вскрыл корпус тонким ножом, достал носитель и присвистнул.

— Хорошая грязь. Кто учил?

— Мать.

— Мёртвые иногда самые толковые наставники.

— Она не мёртвая.

Рэй не ответил сразу. Взял носитель металлическим зажимом и вставил в маленький считыватель у себя на запястье. Красная линия под кожей вспыхнула сильнее.

— После того, что ты видела, лучше говорить точнее. Она не удалена. Это не то же самое, что жива.

— Не начинай.

— Я не начинаю. Я экономлю тебе будущую боль.

— Тогда экономь молча.

Он коротко улыбнулся, но улыбка сразу пропала. На считывателе пошли строки. Рэй нахмурился.

— Крамор. Газетные массивы. Старые обвинения. Открытое письмо Веры. Ты быстро дошла до ядовитой полки.

— Мать назвала его сама.

— Значит, она хотела, чтобы ты увидела, откуда выросла новая бухгалтерия.

— Ты можешь открыть индекс?

— Не здесь. Здесь нас откроют раньше.

Коридор дрогнул. На стене мигнуло жёлтое предупреждение: «Сервисный доступ будет закрыт через тридцать секунд». Рэй посмотрел вверх.

— Они нашли дверь.

— Кто?

— Та самая причина, по которой я не люблю долгие разговоры.

Он схватил её за локоть и повёл вниз по металлической лестнице. Яра не стала вырываться. Сзади защёлкнул замок, потом второй — не их, а внешний. Кто-то запирает сервисный проход секциями, чтобы загнать их в предсказуемый выход.

— Инга?

— Если повезёт, пока только её глаза.

— А если нет?

— Тогда сейчас узнаешь, как выглядит профессиональная забота государства.

Лестница вывела их к техническому окну над кольцевой линией. Рэй приложил ладонь к панели. Та не открылась.

— Плохо.

— Насколько?

— Настолько, что придётся делать красиво.

Он расстегнул ворот, вытащил из-под кожи у шеи тонкий контакт и вогнал его в порт панели. Яра увидела, как его тело напряглось целиком. Красная линия под ключицей стала белой.

— Рэй.

— Не трогай.

— Ты говоришь, глубокий взлом сокращает тебе жизнь.

— Я много говорю. Это моя худшая привычка.

Панель открылась. В лицо ударил ветер кольцевого тоннеля, пахнувший озоном и горячими тормозами. Рэй выдернул контакт, пошатнулся, но сразу удержался за раму.

— Прыгаем в служебную капсулу. Она пустая, идёт через двенадцать секунд. Не спорь с физикой.

— Я и не собиралась.

— Прогресс.

Они прыгнули на движущуюся платформу между двумя пассажирскими составами. Яра врезалась плечом в поручень, Рэй поймал её за пояс и втолкнул в узкий тамбур служебной капсулы. Дверь закрылась за ними вручную. За стеклом мелькнула фигура на техническом мостике: женщина в тёмном, неподвижная, с короткой командой у губ.

Яра успела увидеть её глаза. Не злые. Внимательные.

— Это она?

— Скорее всего.

— Почему не стреляет?

— Потому что ты пока интереснее живой.

Капсула ушла в тоннель. Световые полосы били по лицу. Рэй сел на пол, прижал ладонь к груди и дышал через зубы. На воротнике проступила кровь — немного, но ярко на тёмной ткани.

— Сними куртку.

— Не сейчас.

— У тебя перегрев.

— У меня личные отношения с болью. Не вмешивайся.

— Если ты умрёшь, я не узнаю, как открыть список.

— Вот. Забота правильной формы.

Она села напротив. Капсула шла не по пассажирскому маршруту, а по внутренней дуге, где за стеклом были только трубы, датчики и редкие красные огни.

— Какой список?

Рэй поднял на неё глаза.

— Ты не поняла?

— Поняла достаточно, чтобы спросить.

Он достал модуль и подключил носитель к аварийному разъёму служебной капсулы. Экран на стене мигнул, показал техническую схему транспорта. Рэй наложил на неё другой слой — тёмный, рваный, с обрывками фамилий и процентов.

— Это не полный список Ночи счёта. Полный никто не хранит в одном месте. Это резерв коррекций. Имена, которые не вошли в плановый отбор, но могут быть использованы, если баланс меняется.

— Использованы.

— Да. У них красивее: «включены при необходимости в программу оперативного равновесия».

— Почему этот слой связан с Крамором?

— Потому что ранние политические индексы стали одним из предков оценки риска. Старые дела учили машину видеть угрозу там, где власть научилась её называть.

Яра смотрела на рваные фамилии. Некоторые были закрыты. Некоторые мигали только цифрами: 1,7; 2,0; 2,4. Рядом стояли пометки: семейный риск, эмоциональная связность, наследственный протестный паттерн, архивная опасность.

— Архивная опасность?

— Люди, которые знают, где лежат швы памяти.

Капсула резко сбросила скорость. На стене появилось сообщение: «Маршрут изменён по требованию безопасности». Рэй выругался.

— Они берут линию.

— Можешь остановить?

— Могу. Но тогда нас снимут в тоннеле.

— Значит, нужно успеть.

Он открыл более глубокий слой. Кожа у него на шее вспыхнула. Яра поняла, что он держится только злостью.

На экране появилась таблица. Не лица, не биографии — только имена и проценты. Сухие строки, с которыми удобно работать, пока не находишь среди них своё прошлое.

— Ильмира Левит.

Строка была полностью стёрта, но имя читалось. Рядом: «переведена в Z/13. Носитель активен. Удаление запрещено». Ниже тянулась связка к старому индексу Крамора и к живым архивным узлам, помеченным знаком, которого Яра не знала.

— Она была не жертвой обычного отбора. Её вывели из гражданского статуса.

— Зачем?

— Чтобы она перестала иметь права и не стала мёртвой. Мёртвых иногда ищут семьи. Вышедших — стыдятся.

Капсула дрогнула. Впереди в тоннеле вспыхнули белые огни принудительной остановки.

— Рэй.

— Вижу.

Он пролистнул таблицу ниже. Резервные строки шли блоками. Одна строка была затемнена, но не стёрта. Рэй остановился на ней.

— Не нравится мне это.

— Что там?

— Слой реагирует на твой носитель. Он ищет родственную связку.

Он попытался закрыть окно, но таблица раскрылась сама. Белые символы собрались в фамилию.

«Левит Яра Ильевна».

Яра не сразу поняла, что читает своё имя. Оно выглядело официально, чисто. Только справа стояла другая строка:

«Резерв внеплановой коррекции. Приоритет: растущий. Основание: архивная опасность, контакт с нижним инженером, доступ к повреждённому историческому индексу, эмоциональная нестабильность по материнской линии».

Ниже мигал процент: 1,94. Потом 1,96.

— Это ошибка.

Рэй смотрел на экран будто ожидал этого, но всё равно не хотел видеть.

— Нет. Это ещё не приговор. Это хуже. Это очередь, которая умеет двигаться.

— Я в двух процентах?

— Не в текущем отборе. В резерве. Если им понадобится внеплановая коррекция, ты теперь удобная кандидатура.

— Удобная.

— Ты связана с закрытым слоем, знаешь про Крамора, встретила со мной и вынесла носитель. С точки зрения Мнемарха ты не человек в беде. Ты растущий риск с хорошим телом данных.

Процент сменился на 1,98.

Яра почувствовала, как шум капсулы отдаляется. Вчера она работала с чужими карточками. Сегодня сама стала строкой, которую можно ослабить, свернуть, обработать.

— Закрой.

— Нельзя. Я копирую.

— Закрой.

— Яра, если я сейчас закрою, мы потеряем единственное доказательство, что резерв существует.

— Я сказала, закрой.

Он повернулся к ней.

— Посмотри на меня. Сейчас ты хочешь не знать. Это нормальная реакция. Бесполезная, но нормальная.

— Ты не имеешь права.

— На что? На правду? У меня вообще мало прав, если честно.

Капсула начала тормозить. За стеклом появился технический перрон. На нём стояли двое в тёмной форме и женщина без шлема. Инга Хольм. Рэй увидел её и резко отключил экран.

— Точно плохо.

Яра поднялась.

— Что делаем?

— Не выходим там, где нас ждут.

— Другой выход есть?

— Был, пока я не сжёг половину импланта. Значит, сделаем новый.

Он открыл панель пола. Под ней шёл узкий кабельный канал, слишком маленький для нормального прохода.

— Это не выход.

— Конечно. Это транспортная кишка. Туда обычно лезут ремонтные змеи и идиоты. Сегодня у нас праздник совпадений.

Двери капсулы зашипели. Снаружи прозвучал ровный голос Инги:

— Яра Левит. Оставайтесь на месте. Это не задержание.

Рэй усмехнулся.

— Самая милая фраза службы безопасности.

Яра посмотрела на дверь.

— Если это не задержание, зачем форма?

Голос Инги не изменился.

— Чтобы другие не вмешивались. Откройте дверь, и мы поговорим.

— Она говорит правду? — шепнула Яра.

— Частично. Они правда хотят поговорить. Потом ты не выберешь, где закончить разговор.

Рэй вогнал контакт прямо в открытый кабельный узел. Его тело выгнулось, пальцы побелели. По груди пошла судорога. Панели капсулы мигнули. Дверь, открывшаяся снаружи, закрылась.

— Рэй!

— Лезь.

— Ты не выдержишь.

— Я вообще многое не выдержу. Начни с канала, потом обсудим медицину.

Яра опустилась в кабельную кишку. Металл был горячим, плечи сразу упёрлись в стенки. Впереди тянулся тёмный лаз с редкими зелёными точками обслуживания. За спиной Рэй выругался сквозь зубы и полез следом, не вытаскивая контакт до последнего. В капсуле что-то хлопнуло. Дверь открылась.

— Левит! — голос Инги стал жёстче.

Яра ползла вперёд. Кабели цеплялись за одежду, носитель в фильтре бил по боку. Вентиляция гнала в лицо горячий воздух. Сзади Рэй дышал неровно, но двигался.

— Направо через шесть метров. Потом вниз. Если увидишь красный люк, не трогай. Он режет руки людям, которые не читают предупреждения.

— Ты всегда так поддерживаешь?

— Стараюсь казаться полезным.

За ними в канал вошёл свет. Инга не полезла сама; она отправила зонд. Маленький белый дрон скользнул по кабелям бесшумно. Рэй остановился, вытащил из кармана обожжённую пластину и бросил назад. Пластина вспыхнула, дрон ударился о стену и ослеп.

— Это их задержит?

— На столько, чтобы они разозлились.

Люк вниз оказался не красным, а серым. Яра толкнула его плечом. Он не поддался. Рэй дотянулся мимо неё, приложил ладонь к замку и тихо застонал. От его руки пошёл запах горелой кожи.

— Не надо.

— Поздно. Я герой дешёвого рынка.

Люк открылся. Они вывалились в старый дренажный коридор под линией. Рэй упал на колени. Из носа у него пошла кровь.

Яра подхватила его под руку.

— Куда?

— Вниз по уклону. Там слепая зона. Двадцать секунд.

— Ты сможешь идти?

— Я смогу оскорблять тебя до самой смерти. Значит, идти тоже смогу.

Они побежали. Рэй ударил ногой по решётке, та открылась легко. За ней была маленькая комната с матрасом, терминалом без корпуса и тремя рядами аккумуляторов.

— Убежище?

— Одно из. Не лучшее. Лучшее теперь, вероятно, смотрит запись, как я красиво сгораю.

Он рухнул на матрас. Яра закрыла решётку и только тогда позволила себе дрожь. Не сильную. Руки перестали точно слушаться.

— Покажи список.

Рэй приподнялся на локте.

— Ты только что увидела своё имя в резерве смерти. Может, сначала вода?

— Покажи.

Он посмотрел на неё иначе — без насмешки. Потом молча подключил модуль к терминалу. Экран был старый, с битой полосой сбоку. На нём снова открылась таблица, сохранённая рывками: имена, проценты, основания.

Яра нашла себя сразу. Не потому что строка была ярче. Потому что своё имя невозможно не узнать даже в списке, где оно перестаёт принадлежать тебе.

«Левит Яра Ильевна. Резерв внеплановой коррекции. Приоритет: 1,98. Порог включения: 2,00».

— Что будет при двух?

— Автоматический запрос на коррекцию. Не обязательно сразу белая метка. Иногда начинают с изоляции, иногда с аварии, иногда с медицинской необходимости. Зависит от того, какая смерть дешевле для окружения.

— Дешевле.

— Это их слово, не моё.

На соседней строке вспыхнуло: «Контакт Сармат Р. — фактор ускорения». Рэй заметил и быстро свернул часть таблицы.

— Не прячь.

— Я не прячу. Я дозирую.

— Ты ускоряешь мой процент?

— Любой контакт ускоряет. Со мной — особенно.

— Тогда почему пришёл?

Он долго молчал. В тишине было слышно, как где-то над ними проходит транспорт, и каждый состав отдаётся в стенах глухим сердцебиением города.

— Потому что ты была внутри. И потому что твоя мать связана с тем, что я когда-то помог построить.

— Ты не говорил.

— Я много чего не говорил. Это мой способ оставаться живым и неприятным.

Яра смотрела на таблицу. Раньше расследование было вертикальным: мать внизу закрытого слоя, архив над ней, старое дело где-то в глубине прошлого. Всё повернулось. Список лежал не в прошлом и не внизу. Он лежал перед ней, живой, обновляющийся, способный добрать последние сотые доли в любой момент.

— Я думала, ищу мать.

— Ты и ищешь.

— Нет. Они ищут меня.

Рэй вытер кровь с лица рукавом.

— Это обычно ускоряет обучение.

— Не шути.

— Не умею по-другому.

Она опустила на бетонный пол рядом с терминалом. В строке её имени процент мигнул, но не изменился. Порог 2,00 висел рядом, как белая метка, только невидимая для соседей.

— Почему два процента? Почему это число?

— Потому что городу нужен ритуал. Иногда достаточно меньше, иногда им нужно больше, но два процента красиво выглядят в отчётах. Не катастрофа, не резня, не террор. Допустимая доля. Цена устойчивости.

— Люди согласились?

— Люди соглашались на всё, если им достаточно долго показывать, что альтернатива хуже.

— А она хуже?

Рэй посмотрел на неё устало.

— Иногда да. В этом и проблема.

Ответ был честным, и от этого стало тяжелее. Но Витрокласт действительно жил. Дети ходили в школы, болезни ловили до симптомов, транспорт не падал, голод не входил в купол. Всё это стояло на чужих строках, которые кто-то называл допустимой долей.

Яра закрыла глаза и увидела Романа Калдина в кресле, Лиду напротив пустого места, мальчика Нико из игровой ветви, мать, говорящую сквозь шум: не верь тем, кто называет убийство равновесием.

Она открыла глаза.

— Мне нужен полный список.

Рэй тихо засмеялся, но смех оборвался кашлем.

— Конечно. Человек видит своё имя у порога смерти и просит больше данных. Архивная порода.

— Мне нужен полный список, чтобы понять, кто в резерве, кто был выведен в Z/13 и почему моя мать связана с Крамором.

— Полный список не лежит в папке. Он распределён между архивом, медициной, игрой и ядром Мнемарха.

— Значит, будем собирать.

— «Будем» — плохое слово. После него люди начинают ждать друг от друга благородства.

— Тогда я буду. Ты можешь идти.

Рэй поднял на неё глаза.

— Ты не умеешь уходить от хвоста, не умеешь вскрывать нижние узлы, не умеешь отличать настоящую ловушку от двери, которая хочет выглядеть страшно.

— Зато я умею читать архивные лакуны.

— Да, — сказал он после паузы. — Поэтому ты ещё жива.

Старый терминал пискнул. Рэй резко повернулся к экрану. На служебном слое появилась новая строка: «Объект Левит. Динамика риска стабилизирована: 1,99».

Яра почувствовала, как дыхание становится тихим.

— Стабилизирована?

— Они потеряли прямой трек, но сам факт бегства добавил риск. Поздравляю, ты почти официально опасна.

— Сколько у нас времени?

— До чего?

— До двух процентов.

Рэй посмотрел на потолок, будто там могла быть формула.

— Если будешь сидеть тихо — часы, дни, может, неделя. Если продолжишь копать — меньше. Если они решат, что через тебя найдут меня, возможно, дадут немного хода.

— Значит, надо использовать.

— Я надеялся, ты скажешь «надо спрятаться».

— Я архивистка. Мы плохо прячем то, что не закончили.

Снаружи, далеко за трубами, прошёл глухой удар. Рэй выключил экран и поднялся, хотя лицо у него стало серым.

— Убежище надо менять. Инга не дура. Если не нашла сейчас, найдёт по тепловому следу.

— Ты знаешь её?

— Знаю тип. Холодная вера в порядок. С такими плохо спорить: они не наслаждаются болью, поэтому дольше живут.

Яра убрала носитель обратно в фильтр, но теперь сделала это без прежней осторожности. Осторожность не исчезла; она перестала быть главной. Главным стало имя в строке.

Рэй открыл заднюю панель убежища. За ней тянулся один узкий ход.

— После этого пути ты не сможешь сразу вернуться домой. Дом ждёт тебя с вопросами.

— Я знаю.

— В архив тоже нельзя идти как обычно.

— А надо?

— Надо. Как обычно. Но не сегодня.

Он протянул ей руку, чтобы помочь подняться. Яра посмотрела на его пальцы, на ожог вокруг контактного узла, на красную линию под кожей. Потом приняла руку. Ладонь была горячее, лихорадочной.

— Ты говорил, что не помогаешь.

— Я пересмотрел тариф.

— И чем я плачу?

— Пока тем, что не умираешь бездарно. Потом придумаю что-нибудь более унижительное.

Она впервые за долгое время улыбнулась — потому что на экране, погашенном, ещё жило невидимое число: 1,99.

Они пошли в темноту между трубами. Над ними Витрокласт продолжал работать: капсулы приходили по расписанию, дома желали спокойной ночи, архивы стабилизировали память, а служба безопасности вела объект до источника. Где-то в статистическом слое Мнемарха имя Яры Левит стояло в резерве двух процентов, не как дочь пропавшей матери и не как архивистка, допустившая сомнение, а как будущая удобная смерть, ожидающая последней сотой доли для равновесия.

Часть II. Архив мёртвых имён

Глава 9. Архив старых обвинений

Старые слои Архива Благой Памяти пахли не пылью, а тем, что город долго пытался не называть пылью. Воздух здесь был сухим, обработанным, почти стерильным, но под фильтрами всё равно держался тонкий запах бумаги, клея, старой краски и человеческих рук, которые когда-то переворачивали страницы без перчаток и верили, что документ можно спрятать в шкафу, если дверь заперта на ключ.

Яра шла первой, потому что только её служебный профиль мог открыть нижний исторический сектор без мгновенной тревоги. Рэй двигался за ней ближе, чем требовала осторожность. После бегства с кольцевой линии он выглядел хуже: кожа у ключицы была воспалена, под воротником проступала тёмная полоса ожога, но шаг оставался быстрым. Он не просил остановиться. Яра поняла: Рэй скорее упадёт, чем признаёт, что тело не успевает за его злостью.

— У тебя пульс скачет.

— Ты следишь за моим пульсом?

— После того как твой профиль добрался до двух процентов, это перестало быть романтической роскошью.

— Не называй это романтическим.

— Я и не называю. Я называю это плохой статистикой.

Они свернули с основного архивного коридора в старый грузовой спуск. Здесь стены становились толще, линии света — реже, а датчики висели старыми чёрными точками под потолком. Архив не любил этот сектор. Он сохранял его из уважения к истории, но уважение в Витрокласте всегда означало контролируемое расстояние.

Яра приложила ладонь к панели.

— Доступ: Левит Яра Ильевна. Основание: сверка исторического индекса POL-HIST/KR-17 с семейной коррекцией.

Панель мигнула жёлтым.

— Запрос относится к материалам повышенной чувствительности. Рекомендуется присутствие старшего архивиста.

— Старший архивист уведомлён.

Ложь прошла не сразу. Секунды тянулись дольше нормы, и Яра почувствовала, как носитель вшитый в фильтр внутри сумки будто нагрелся. Потом панель стала серой. Дверь открылась.

— Старший архивист уведомлён? — спросил Рэй, когда они вошли.

— Нет.

— Учишься.

— Не делай вид, что гордишься.

— Я горжусь только удачными схемами. Люди портят впечатление.

Сектор старых обвинений был устроен иначе, чем верхний архив. На полу были старые направляющие для архивных тележек. Кто-то давно хотел их демонтировать, но передумал: декоративная архаика успокаивала экскурсионные комиссии.

Яра активировала локальный свет. Вдоль первого ряда вспыхнули таблички: «Обвинительные массивы», «Публичные кампании», «Доносы и гражданские сообщения», «Эмигрантские дела», «Закрытые политические индексы».

Рэй остановился у последней таблички.

— Милое место. Если бы машинам снились кошмары, они бы снили канцелярские шкафы.

— Машины не видят кошмаров.

— Поэтому и строят их для людей.

Яра не ответила. Она достала из сумки фильтр, извлекла носитель и подключила к старому архивному считывателю. Экран дрогнул, но не вышел в сеть. Рэй одобрительно кивнул.

— Хорошо. Этот динозавр глупее холодильника. Иногда это достоинство.

Снимок повреждённого слоя раскрылся не текстом, а картой лакун. Один контур мигал у шкафа «Эмигрантские дела / серия К».

Яра нашла нужный ряд. Внутри лежал контейнер с бумажными копиями, плоская кассета сканов и тонкая серая папка без названия.

На папке был только номер: KR-17.

Она перенесла её на стол. Рэй встал у двери, но взгляд держал на документах.

— Ты не посмотришь?

— Я смотрю на выходы. Это моя форма участия в культуре.

Яра раскрыла папку. Первый лист был копией старого протокола. Буквы местами расплылись, штампы налезали друг на друга. В верхнем поле: «Арсений Степанович Крамор». Ниже — строка обвинений, похожая на мусорную корзину власти: шпионаж, подрывная деятельность, агитация, связь с иностранными структурами, религиозное кощунство, организация степных кружков, подготовка сепаратистских манифестов.

На следующем листе Крамор был назван журналистом. На третьем — агентом. На четвёртом — фанатиком. На пятом — романтиком окраинной вольницы, опасным тем, что умел говорить с людьми без приказа.

— Он во всех версиях разный.

— Это удобно. Если человек сразу всё, его можно казнить за что угодно.

— Здесь не казнь. Здесь обвинительный массив.

— Как скажешь. У архивистов красивый словарь для грязной работы.

Она подняла глаза.

— Ты считаешь меня частью этого?

— Ты и была частью этого. Решаешь, сколько от себя отрезать.

Яра вернулась к документам. Её раздражало, что он часто бил не туда, где ей было удобно защищаться, а туда, где защита треснула. В папке лежали протоколы допросов людей, которые знали Крамора. Одни называли его предателем. Несколько показаний были явно составлены одним языком: одинаковые обороты, одинаковые ошибки, одинаковое слово «заражение» рядом с идеями.

— Смотри.

Рэй подошёл.

— Три разных свидетеля, три разные даты, но фраза одна: «Крамор распространял заражающую мысль о праве окраин на свою судьбу». Даже пунктуация совпадает.

— Шаблон.

— Да. Кто-то писал показания вместо свидетелей.

— Или свидетели были обучены повторять правильную ненависть.

Яра переложила листы. Внутри папки был газетный блок: тонкие сканы, наклеенные на стабилизирующую основу. Заголовки били грубо, без той стерильности, к которой приучил современный город.

«КРАМОР — ГОЛОС ЧУЖОЙ КАЗНЫ».

«СТЕПНАЯ ВОЛЯ ИЛИ ШПИОНСКАЯ СЕТЬ?»

«ЛЖЕПРОРОК, ПРОДАЮЩИЙ ГРАНИЦЫ».

«ЧЬИМ ИМЕНЕМ ГОВОРIT АРСЕНИЙ КРАМОР?»

Яра читала быстро, как читала конфликтные семейные капсулы: отмечала повторы, пропуски, эмоциональные нажимы. Статьи выходили до формального обвинения. Сначала намёк на чужое финансирование. Потом рассказ о сомнительных знакомых. Потом карикатура: Крамор с птичьей головой и мешком монет вместо сердца. Потом интервью с человеком без полного имени, утверждавшим, что Крамор смеялся над голодными детьми. Доказательств не было. Только ритм.

— Они строили его заранее.

— Кого?

— Не Крамора. Образ врага. Сначала репутация, потом дело. Когда пришёл протокол, читатель знал, как ненавидеть.

Рэй наклонился над газетным блоком.

— Старая технология. Дешёвая. Эффективная.

— Как Регистр.

— Регистр честнее. Он хотя бы не нуждается в карикатурах.

— Нет. Он прячет карикатуру внутри числа.

Рэй посмотрел на неё чуть внимательнее. Яра сама услышала, как в её голосе появилась злость, не личная и не материнская. Профессиональная. Архивистская. Она видела конструкцию лжи и не могла развидеть.

На дальнем конце сектора щёлкнул датчик. Рэй мгновенно выключил свет над столом. Они замерли. В коридоре за дверью прошёл сервисный модуль: медленно, ровно, с тихим гулом щёток. Не охрана. Пока не охрана.

— У нас мало времени.

— Один блок.

— Архивисты все такие? Дом горит, а они хотят дочитать сноску?

— Сноски иногда объясняют, кто поджёт дом.

Она открыла серую кассету сканов. Старый считыватель зашумел. На экране появились письма, вырезки, внутренние записки. Некоторые были закрыты чёрными прямоугольниками, но один документ проявился полностью: внутренний отчёт о «предварительной подготовке общественного неприятия». Формулировка была современной для своего времени. Не по дате — по логике.

«До публикации основного обвинительного материала необходимо закрепить в публичном поле устойчивую связку: Крамор — агент — распад — опасность для семейного порядка. Эмоциональная готовность аудитории к осуждению выше фактической убедительности дела».

Яра перечитала строку дважды.

— Вот он. Предок.

— Чего?

— Протокола. Смотри: эмоциональная готовность аудитории выше фактов. Это не журналистика. Это расчёт будущего согласия.

Рэй приблизился к экрану. Красная линия у него под кожей вспыхнула слабее, но ещё пульсировала.

— Похоже на ранний поведенческий модуль.

— До Мнемарха?

— До него были предсказательные системы. Глупые, ручные, но жадные. Кто-то кормил их историей таких дел.

Яра открыла следующий документ. Он был повреждён сильнее. Виднелись только фрагменты: «архивный вес обвинения», «репутационная смерть», «социальное обезвреживание до физического решения», «образец К-17». Под последней строкой стоял старый машинный индекс, перечёркнутый поздней пометкой: «не включать в публичную образовательную базу».

— Образец К-17, — повторила Яра. — Крамор был не просто делом. Он стал образцом.

— Для кого-то в раннем архиве.

— Для машины, которая училась убивать имя.

Рэй молча взял из папки один лист и положил перед ней. Это был список людей, связанных с Крамором. Рядом с именами стояли короткие пометки: жена, печатник, связной, студент, корректор, перевозчик, священник, неизвестная женщина с письмом. Некоторые имена были зачёркнуты. У нескольких в графе «дальнейшая судьба» стояло одно слово: «исчез».

Яра провела пальцем над строками, не касаясь бумаги.

— Они уничтожали не только его. Всю среду.

— Так работает страх. Один человек становится доказательством, остальные — предупреждением.

— А сегодня это делает список.

— Сегодня это делает система быстрее и чище.

Она хотела убрать лист, но заметила в нижнем поле маленький знак: чёрный квадрат с белым разрывом посередине. Рядом стоял индекс: «MN-0 / обучающий корпус».

Рэй выпрямился.

— Не трогай.

Яра застыла.

— Что это?

— Старый мост к машинным протоколам. Очень старый. И очень не музейный.

— MN — Мнемарх?

— Или то, из чего он вырос. Нулевой корпус.

— Значит, дело Крамора действительно использовали для обучения.

— Не только дело. Смотри на пометку: обучающий корпус. Таких дел было много. Крамор мог быть одним из ярких образов.

Яра почувствовала, как холод поднимается от пальцев к локтю. Всё, что мать говорила в мёртвом файле, переставало быть предупреждением и становилось картой: дела, письма, газетные приговоры, доносы. Машина только научилась делать то, что люди умели.

— Мне нужен этот индекс.

— Нет.

— Рэй.

— Я сказал нет не потому что хочу выглядеть старше и умнее. Этот индекс, если его открыть неправильно, не просто поднимет тревогу. Он покажет, где мы стоим.

— Мы раскрыты.

— Почти — прекрасное состояние. В нём можно ругаться и уходить своими ногами.

Яра посмотрела на список. Внизу, под пометкой MN-0, было едва заметное продолжение, стёртое не полностью: «переход к демографическому моделированию». Сердце ударило один раз тяжело и глухо.

— Здесь связь с Регистром.

— Да. Поэтому мы берём копию лакуны, а не открываем мост.

— Как в прошлый раз?

— В прошлый раз тебе помогла мёртвая мать и плохой домашний контроль. Здесь архив старше, злее и обидчивее.

Он достал из кармана плоский модуль, подключил к считывателю и кивнул ей.

— Работай. Быстро. Снимай края повреждения, не центр.

Яра подчинилась. Пальцы сами нашли режим аварийного снимка. На экране раскрылась сетка повреждения. Прогресс пошёл медленно — медленнее, чем позволяла ситуация.

В коридоре щёлкнуло. На этот раз не сервисный модуль. Шаги. Двое, возможно трое. Без разговора.

Рэй погасил внешнюю подсветку.

— Ускоряй.

— Нельзя. Слой рассыпется.

— Я обычно обожаю научные ограничения, но сейчас готов изменить себе.

Прогресс: 43 процента. 51. 59.

За дверью остановились. Панель доступа издала короткий запрос. Кто-то пытался войти с верхним разрешением.

Яра не подняла головы.

— Сколько у нас?

— До того, как я испорчу им вечер, или до того, как они испортят нам жизнь?

— Рэй.

— Десять секунд.

Прогресс: 71. 76.

Рэй подошёл к двери и приложил ладонь к старому замку. Его имплант вспыхнул красным. Он не подключался напрямую, только создавал помеху. Дверная панель щёлкнула, потом запросила доступ снаружи.

— Сектор занят реставрацией, — произнёс Рэй в микрофон чужим ровным голосом. — Вход запрещён до завершения стабилизации носителей.

— Код реставратора, — ответили снаружи.

Рэй посмотрел на Яру.

— Архивная принцесса?

— Сейчас.

Прогресс: 88. 91.

Яра открыла служебный справочник, нашла устаревший код реставрационной группы и продиктовала.

Рэй повторил в микрофон. За дверью наступила пауза.

— Код просрочен, — сказали снаружи.

— Как и ваши манеры, — прошептал Рэй и отключил микрофон.

— Не вздумай.

— Вздумал.

Он вытащил из кармана маленький импульсный шип и вогнал его в нижний порт двери. Панель снаружи вспыхнула. Кто-то ругнулся. Шаги отступили, но не ушли.

Прогресс: 97. Снимок завершён.

— Есть.

— Забирай.

Она выдернула модуль, закрыла папку и успела положить первый лист не в тот порядок. Заметила, вернула как было. Даже сейчас архивная привычка оказалась сильнее паники.

Рэй смотрел на неё с ужасом.

— Ты сейчас спасала сортировку?

— Да.

— Мы погибнем из-за твоей любви к порядку.

— Но документы будут лежать правильно.

Они ушли через боковой проход между шкафами. Яра знала их по учебным схемам, Рэй — по чужим взломам. За спиной дверь наконец открылась. В зал вошли люди. Свет ударил по столу, где папка KR-17 лежала на своём месте, аккуратная для случайного посетителя.

— Сюда, — шепнула Яра.

Они протиснулись в узкий проход между климатическими сотами. Мёртвые имена не молчали. Их заставили говорить языком риска.

Проход вывел к старому лифту для архивных тележек. Рэй вскрыл панель, но лифт не включился.

— Прекрасно. История сопротивляется.

— Он механический.

— Ещё лучше. Я умею ругаться с машинами, но с железками без мозгов сложнее.

Яра опустила на колени, открыла нижний фиксатор и потянула аварийный рычаг. Лифт дёрнулся.

Рэй посмотрел на неё с подозрением.

— Откуда?

— Архивная практика. На первом курсе нас заставляли поднимать застрявшие тележки, чтобы мы уважали материальные носители.

— Я впервые благодарен образовательному садизму.

Они втиснулись в лифт. Кабина пошла вниз медленно, с металлическим стоном. Сверху донёлся голос:

— Сектор перекрыть. Проверить все выходы.

Рэй усмехнулся.

— Проверят. Не этот век.

Кабина остановилась в полутёмном коридоре хранения сканированных газет. Яра остановилась у одной полки. На металлическом боку была выбита дата первой кампании против Крамора. За три месяца до официального дела.

— Они знали заранее.

— Или сначала решили, кем он должен стать, а потом собрали факты под роль.

— Как Регистр.

— Ты сказала.

— Нет. Тогда я поняла. Сейчас я увидела.

Рэй не спорил. Они шли вдоль полок, и Яра чувствовала, как её профессия меняется у неё на глазах. Архив был оружейной комнатой. Иногда оружием становились документы, иногда фотографии, иногда пустые места между строками. Мнемарх не изобрёл насилие. Он получил его в наследство, оцифровал, ускорил и назвал равновесием.

У выхода Рэй остановил её жестом. Впереди прошла тень патрульного дрона. Не санитарного, архивного. Маленький, бесшумный, с камерой на длинной шее. Рэй поднял два пальца, дождался, пока дрон повернёт линзу, и бросил в сторону полоску старой магнитной ленты. Дрон пошёл за помехой, как насекомое за светом.

— Когда мы выйдем, — сказал Рэй, — ты вернёшься не домой.

— Я знаю.

— И не в архив по основному входу.

— Я знаю.

— И не будешь звонить подруге, которая «делает вид, что разговор оборвался».

Яра резко посмотрела на него.

— Ты слушал?

— Я читаю последствия. У тебя после её вызова маршрут стал умнее. Значит, кто-то подсказал. Не сердись. Я не знаю, как её зовут.

— И не должен.

— Рад, что мы согласны хоть в чём-то.

Они вышли через техническую шахту под старым залом реставрации. Здесь воздух был влажнее, слышались голоса верхних архивистов. Обычная смена продолжалась: кто-то чистил семейные цепочки, кто-то убирал прямые обвинения, кто-то оставлял благодарность вместо боли. После старых газет это казалось не новым миром, а тем же ремеслом, только с лучшим освещением.

Рэй передал Яре модуль со снимком.

— Держи.

— Почему мне?

— Потому что если меня возьмут, из меня это достанут быстрее. У тебя хотя бы есть доступ к верхним слоям и лицо человека, который может притвориться растерянной сотрудницей.

— А если возьмут меня?

— Тогда попробуй выглядеть будто виновата только в любви к древней бумаге.

— Ты отвратительно утешаешь.

— Я не утешаю. Я повышаю выживаемость через раздражение.

Яра спрятала модуль в корпус фильтра, рядом с предыдущим носителем. Внутри были не только материнская фраза и индекс Веры Крамор. Там лежала связь между газетной травлей, обвинительным массивом и ранним машинным корпусом MN-0.

— Чёрный индекс.

— Что?

— Так называли старые запрещённые связки в учебном курсе. Индексы, которые не открываются напрямую, потому что ведут не к документу, а к механизму.

— Очень поэтично для системы, которая убивает людей таблицами.

— Чёрный индекс ведёт к ранним протоколам Мнемарха.

Рэй кивнул.

— Да. И теперь кто-то в архиве увидит, что он шевельнулся.

По внутреннему каналу сектора прошёл мягкий сигнал. Не тревога, не сирена. Всего лишь уведомление для персонала: «В историческом архиве проводится плановая проверка целостности. Просим сохранять спокойствие и не покидать рабочие места».

Яра и Рэй переглянулись.

— Плановая.

— Значит, нас пока не называют причиной.

— В этом городе сначала всегда называют процедуру. Причинам дают имена позже.

Они растворились в потоке сотрудников у лифтов. Яра взяла с ближайшей тележки короб с нейтральными семейными сканами, прижала к груди и пошла ровным шагом архивистки, которая несёт работу из одного сектора в другой. Рэй исчез в служебном коридоре за колонной, оставив после себя запах перегретого металла.

На выходе из старого слоя Яра обернулась на аккуратные ряды полок и поняла: в этой аккуратности была не безопасность, а ловушка. Репутацию Арсения Крамора убивали до приговора, как Регистр убивал людей до действия.

Глава 10. Письмо Веры Крамор

Запечатанное медиахранилище находилось ниже сектора старых обвинений, в той части Архива Благой Памяти, куда не водили даже проверяющие комиссии. Официально там держали нестабильные носители: пленки, бумажные матрицы, голосовые цилиндры, первые голографические записи, повреждённые судебные массивы. Неофициально — всё, что город не мог полностью уничтожить и не решился оставить наверху.

Яра спустилась туда одна. Рэй остался в техническом кармане у шахты, подключённый к старому охранному контуру.

— У тебя семь минут, — сказал он в канал. — Потом сторожевой контур заметит, что я не реставратор шестидесятилетней давности.

— Мне нужен только индекс Веры Крамор.

— «Только» — слово, после которого обычно вскрывают городскую черепушку. Найдёшь письмо, снимешь край, не читаешь полностью.

— Мне нужно понять текст.

— Тебе нужно не умереть до одиннадцатой главы твоей личной трагедии.

— Рэй.

— Ладно. Читай быстро. Если стены начнут петь архивным голосом, выходишь.

Медиахранилище открылось не дверью, а тремя разными отказами. Яра ввела служебную связку из дела Крамора и формулировку «проверка повреждённой подписи». Система подумала долго. Наконец из стены выдвинулся узкий шлюз, пахнувший холодным озоном.

Внутри было темно. Не потому что свет сломался, а потому что старым носителям не доверяли лишний свет. На полу светилась тонкая направляющая линия.

Яра пошла по ней.

На третьем ряду вспыхнуло обозначение: «KR-17 / связанный материал / Вера Крамор / открытое письмо / публичный ответ на кампанию обвинений». Рядом стоял знак повышенной чувствительности и предупреждение: «Текст содержит паттерны репутационной дестабилизации».

Она усмехнулась. Даже спустя века письмо женщины, защищавшей мужа от клеветы, числилось опасным не потому что лгало, а потому что могло вернуть словам вес.

Капсула раскрылась. Бумага была желтоватой, с неровным краем. Яра впервые за долгие годы увидела человеческий почерк не как музейный объект, а как след руки, которая торопилась и всё равно старалась писать ровно.

Она перенесла пластину на считыватель. Текст проявился не сразу. Сначала — пятна, потом строки, потом имя в верхнем углу: «Вера Крамор». Ниже — обращение.

«К тем, кто решил, что мой муж виновен, прежде чем услышал его голос».

Яра задержала дыхание.

— Нашла?

— Да.

— Снимай и уходи.

— Молчи.

Она начала читать.

Письмо не было героическим. Вера писала будто ставила на стол факты, но рука у неё дрожала от ярости. Она перечисляла обвинения, статьи, анонимные показания, газетные выдумки. Не оправдывалась. Разбирала механизм.

«Когда власть не может сразу убить тело, она начинает с имени. Потом, когда дверь открывается ночью, все знают, что из дома выводят не человека, а опасность».

Яра сжала край стола. Фраза легла прямо на белую метку Калдина, на пустое кресло Лиды, на строки резервного списка. Старое письмо говорило не о прошлом. Оно описывало устройство настоящего, только без неона, дронов и вежливых уведомлений.

Экран мигнул.

«Внимание. Текст содержит эмоционально заражающий исторический паттерн. Рекомендуется прекратить чтение».

— Рэй.

— Вижу, — ответил он без насмешки. — Письмо задело семантический фильтр. Не спорь с предупреждением, снизь глубину распознавания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.